БІОГРАФІЯ

И. И. ШУВАЛОВА.

МОСКВА.
1857.


2007081651

БІОГРАФІЯ

И. И. ШУВАЛОВА.



МОСКВА.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 9-го дня 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

(изъ Русской Бесѣды. Москва 1857 г. № 1.)

И. И. ШУВАЛОВЪ.

«Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностью, веселостью и учтивостью, достойною временъ Людовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно музамъ отечественнымъ.»

Батюшковъ.

Едва ли гдѣ нибудь исторія образованности, изложенная надлежащимъ образомъ, можетъ представить столько важныхъ и для всякаго мыслящаго человѣка поучительныхъ явленій, какъ въ нашемъ отечествѣ. Разнообразіе путей, которыми переходила къ намъ наука, борьба возникавшихъ понятій, участіе въ этомъ дѣлѣ самаго общества, которое то жадно устремлялось къ свѣту, то снова предавалось губительному равнодушію, — все здѣсь привлекаетъ вниманіе наблюдателя. Такая исторія еще не писана; едва указаны главныя черты ея. Нѣтъ сомнѣнія однакожъ, что въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, въ Россіи, какъ и вездѣ, на ряду съ благодѣтельными мѣрами правительства, не малую пользу приносили труды и заботы частныхъ людей, самостоятельныхъ его помощниковъ. Въ прошломъ столѣтіи, въ краткомъ спискѣ такихъ людей особенно ярко блистаютъ имена академика Ломоносова, вельможи Шувалова и типографщика Новикова. Мы увѣрены, что обстоятельныя жизнеописанія ихъ послужатъ важнѣйшимъ матеріаломъ будущему историку русскаго просвѣщенія.

Въ этой увѣренности передадимъ дошедшія до насъ свѣдѣнія о знаменитомъ *предстателѣ музъ*, *русскомъ меценатѣ*, Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ. Кажется, что именно въ настоящее время будетъ

кстати возобновить память объ этомъ человѣкѣ: Московскій Университетъ, учрежденіе котораго составляетъ главное право Шувалова на признательность общественную, еще такъ недавно праздновалъ свое столѣтіе.

Имени Шуваловыхъ мы не найдемъ ни въ Исторіи Государства Россійскаго, ни въ старинныхъ грамотахъ, ни въ другихъ письменныхъ памятникахъ древней Россіи (1). Ихъ извѣстность начинается не раньше первой четверти прошлаго вѣка, и сю, кажется, они обязаны долговременной и усердной службѣ генералъ-маіора Ивана Максимовича Шувалова, обратившаго на себя вниманіе Петра Великаго, который поручилъ ему важную должность коменданта въ новозавоеванномъ городѣ Выборгѣ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій, занимался съемкою карты морскихъ и рѣчныхъ береговъ, опредѣлялъ границу между Россіею и Швеціею, производилъ уплату денегъ шведскимъ коммиссарамъ на основаніи Ништадтскаго мира, содѣйствовавъ къ выгоднѣйшему заключенію сего послѣдняго, и умеръ при Аннѣ Ивановнѣ губернаторомъ въ Архангельскѣ (2). По всему видно,

---

(1) См. Россійск. Родословную книгу, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Спб. 1855. ч. II. стр. 148. Андрей и Николай Шуваловы упоминаются въ Запискахъ Нащокина, стр. 249.

(2) Продолжительность мирныхъ переговоровъ съ Швеціею выводила изъ терпѣнія Петра Великаго. Онъ наконецъ отправилъ въ Ништадтъ Ягужинскаго, съ повелѣніемъ поскорѣе окончить дѣло. Ягужинскій долженъ былъ ѣхать черезъ Выборгъ, и тамошній оберкомендантъ Ив. Макс. Шуваловъ, по просьбѣ Остермана, задержалъ Ягужинскаго разными угощеніями и пирами. Между тѣмъ наши уполномоченные выиграли время и заключили миръ безъ дальнѣйшихъ уступокъ. См. объ этомъ рукописное сочиненіе покойнаго Малиновскаго: *Біографическія свѣдѣнія о управлявшихъ въ Россіи иностранными дѣлами министрахъ*, въ статьѣ объ Остерманѣ.—Бантышъ Каменскій, въ своемъ Словарѣ (1836, ч. V. стр. 345) называетъ Ивана Максимовича отцемъ нашего мецената; но въ Родословной книгѣ кн. Долгорукова показано, что этотъ Иванъ Максимовичъ былъ его дядею, а отцемъ Ивана Ивановича былъ другой Иванъ Максимовичъ, *меньшой*, братъ перваго. (Въ старину, какъ и теперь у крестьянъ, не рѣдко два родные брата носили одно имя, различаясь прозвищами *большой* и *меньшой*.) Изъ этихъ разнорѣчащихъ показаній мы признаемъ второе болѣе достовѣрнымъ, ибо кн. Долгоруковъ очевидно пользовался бумагами, какихъ не было у Бантыша-Каменскаго. Къ сожалѣнію оба они не указываютъ своихъ источниковъ. Кн. Долгоруковъ письменно извѣщалъ насъ, что свѣдѣнія и бумаги о Шуваловыхъ были получены имъ отъ покойнаго знатока старины, Карабанова.—Рѣшить дѣло предстоитъ тому, кто получитъ доступъ къ семейному Шуваловскому архиву. Но если вѣрно показаніе Бантыша-Каменскаго, то возникаетъ любопытное предположеніе, не сблизился ли Ломоносовъ первоначально съ Шуваловымъ между прочимъ и потому, что отецъ сего послѣдняго управлялъ Архангельскою губерніею. Просимъ извиненія у читателей за это длинное примѣчаніе, вызванное неопредѣленностію біографическихъ данныхъ.

что онъ былъ добрый служака, не пользовавшійся впрочемъ большимъ значеніемъ. Однако онъ успѣлъ помѣстить двухъ сыновей своихъ, Александра (1710—1771) и Петра (1711—1762) (3), въ пажи къ царскому двору, гдѣ еще при Петрѣ Великомъ оба они, а особливо старшій (4), заслужили особенное благоволеніе великой княжны Елизаветы Петровны,—обстоятельство, какъ увидимъ, опредѣлившее судьбу всѣхъ Шуваловыхъ. Вообще же Шуваловы принадлежали къ числу людей *новыхъ*, вызванныхъ къ дѣятельности петровымъ преобразованіемъ.

Иванъ Ивановичъ родился 1-го Ноября 1727 года въ Москвѣ (5). О первоначальномъ возрастѣ его не сохранилось почти никакихъ извѣстій. Объ отцѣ его, Иванѣ Максимовичѣ *младшемъ*, знаемъ только, что онъ служилъ въ гвардіи капитаномъ, подъ начальствомъ Миниха, лично извѣстенъ былъ Петру Великому, получилъ тяжелую рану на приступѣ къ Очакову (1737) и умеръ въ глубокой старости, не дождавшись совершеннолѣтія сына; о матери же—что она происходила изъ роду (вѣроятно польскаго) Ратиславскихъ, что ее звали Татьяною, и что она была еще въ живыхъ, когда счастіе осыпало дарами своими ея сына (6). Маленькій Шуваловъ росъ конечно подъ ея надзоромъ, живя изрѣдка въ Москвѣ, по большей же

---

(3) См. ихъ біографіи у Б. Кам. Т. V. стр. 341—345; оттуда же взяты и дальнѣйшія о нихъ свѣдѣнія.

(4) См. тамъ же стр. 342. Впрочемъ Б. К. сообщаетъ это свѣдѣніе въ видѣ дошедшаго до него преданія.

(5) Что Шуваловъ родился въ Москвѣ, узнаёмъ изъ статьи И. М. Снегирева: *Иванъ Ивановичъ Шуваловъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1837, часть 15-я, Августъ, стр. 396—405). Откуда взято это свѣдѣніе, неизвѣстно. Годъ рожденія Шувалова опредѣляется надгробнымъ словомъ преосвященнаго Анастасія Братановскаго, который между прочимъ говоритъ, что Шуваловъ *прожилъ 70 лѣтъ*, а скончался онъ въ Ноябрѣ 1797 г.—Бантышъ-Каменскій также назначаетъ годомъ рожденія 1727 годъ. Кажется, эти показанія неоспоримы. Вольтеръ писалъ къ Шувалову отъ 1-го Авг. 1758 года: «Узнавъ, что вамъ всего двадцать пять лѣтъ, не могу надивиться глубинѣ и разнообразію вашихъ познаній»; но онъ зналъ о годахъ Шувалова по слухамъ, и можетъ быть, по обычаю, нарочно сократилъ года, чтобы еще больше польстить корреспонденту своему. Что Шуваловъ родился 1 Ноября, видно изъ многихъ указаній, между прочимъ изъ Разсужденія Ломоносова о размноженіи россійскаго народа. Ломоносовъ, поднося Шувалову это разсужденіе, 1 Ноября 1761 года, говоритъ: «Прошу о вашемъ безпрерывномъ здравіи и во всемъ удовольствіи Всевышняго Строителя и Правителя всѣхъ народовъ и языковъ, произведшаго васъ въ сей день.» (См. Москвит. 1842 г. N. 1, стр. 143).

(6) См. Родосл. книгу кн. Долгорукаго, Ч. II. стр. 150.—И. М. Снегиревъ сообщаетъ, что Шуваловъ остался послѣ отца 10-лѣтнимъ ребенкомъ.

части въ деревнѣ дѣда своего (не извѣстно по отцу или по матери), кажется, въ Смоленской губерніи (7).

Ничто не предвѣщало Шувалову блестящей будущности. Въ небогатой семьѣ своей онъ получалъ воспитаніе самое простое (8). Тогда преобразованіе Россіи еще только совершалось: прошло лишь нѣсколько лѣтъ послѣ кончины преобразователя. Въ деревенскую глушь не успѣла еще проникнуть новизна. Хотя родители Шувалова, имѣя родственниковъ при царскомъ дворѣ, болѣе или менѣе уже знакомы были съ новыми требованіями, но въ домѣ ихъ безъ сомнѣнія еще господствовала старина во всей своей силѣ, со всѣми хорошими и дурными сторонами своими. Старикъ дѣдъ былъ живымъ памятникомъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Шувалова вспоили и вскормили деревенскія мамушки; съ первыхъ дней своихъ онъ слышалъ одну только родную рѣчь, русскія сказки, русскія пѣсни; словомъ, провелъ дѣтство въ неразрывномъ общеніи съ народомъ, не отчуждаясь отъ него, не привыкая смотрѣть на него съ высока. Тогдашнее воспитаніе, какъ ни много представляетъ оно недостатковъ, имѣло однако свою выгоду, и именно въ этомъ ближайшемъ знакомствѣ съ родною страною и съ окружающею природою. Мы знаемъ о томъ, между прочимъ, по запискамъ Болотова, который также, какъ и Шуваловъ, сынъ небогатаго дворянина, первые годы провелъ въ деревенскомъ захолустьи (9). Такое сближеніе дѣйствовало живительно: ребенокъ выросталъ настоящимъ сыномъ земли своей.

---

(7) См. Записки И. Ѳ. Тимковскаго, подъ заглавіемъ: *Мое опредѣленіе въ службу, ч. 5-я, Шуваловъ* (Москвит., 1852, N 20. стр. 59.). «Сколько я могъ замѣтить — говоритъ Тимковскій о Шуваловѣ — кажется, онъ имѣлъ особыя отношенія въ Смоленской губерніи. Я видалъ у него и у княгини (Голицыной, сестры его) бывшаго тамъ губернатора съ семействомъ и другихъ оттуда пріѣзжихъ. Оттуда же онъ имѣлъ секретарями изъ университетскихъ, Можайскаго, переводчика Сельскихъ ночей (Сельскія ночи, въ 10 пѣсняхъ: соч. Де-ла-во, перев. Т. М. Два изданія, оба въ Петербургѣ, 1786 и 1792), и потомъ Люзоговскаго, бывшаго тамъ послѣ директоромъ училищъ».

(8) *См. Жизнь оберъ-камергера И. И. Шувалова,* написанную племянникомъ и воспитанникомъ его, кн. Ѳедоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Она была напечатана нѣсколько разъ (между прочимъ во 2-й мартовской книгѣ Москвитянина за 1853 годъ), но всегда съ пропусками. Мы пользовались полнымъ рукописнымъ экземпляромъ, находящимся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго. При всей краткости своей эта біографическая записка представляетъ самыя достовѣрныя данныя, и потому принята въ основаніе нашего труда. Изъ нея заимствованы всѣ главныя свѣдѣнія, при сообщеніи которыхъ считаемъ излишнимъ дѣлать выноски.

(9). См. Отечеств. Записки 1849 года. Нельзя не пожалѣть, что изъ 39 частей этихъ записокъ напечатаны только первыя девять, и то съ пропусками.

Вообще Шуваловъ, подобно многимъ другимъ славнымъ людямъ прошлаго вѣка, первоначальными основами своего характера обязанъ былъ тому быту, который обыкновенно называютъ до-петровскою стариною. Изъ родительскаго дома вынесъ онъ безусловную покорность уставамъ Церкви, благоразумное, далеко не похожее на раболѣпство, уваженіе власти, горячую любовь къ родинѣ и то желаніе быть ей полезнымъ, которое увѣковѣчиваетъ его имя въ исторіи. Оттого европейское образованіе, усвоенное имъ впослѣдствіи, принесло такіе прекрасные общественные плоды. Шувалова никогда не покидала мысль о родинѣ и о сообщеніи своимъ соотечественникамъ новыхъ благъ образованности. Письма его изъ—за границы, которыя читатель встрѣтитъ ниже, показываютъ, что, по складу ума и рѣчи, онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ.

Первыми учебными книгами Шувалова, безъ сомнѣнія, были церковная азбука и часословъ. Къ сожалѣнію не сохранилось никакихъ подробностей объ его ученіи, которое конечно происходило очень просто. Живя въ Москвѣ, онъ учился у одного учителя съ другимъ московскимъ уроженцемъ, славнымъ Суворовымъ, который, по всему вѣроятію, жилъ тогда въ домѣ своего дѣда, кремлевскаго придворнаго протоіерея (10). Шуваловъ помнилъ объ этомъ товариществѣ, и самъ разсказывалъ о немъ впослѣдствіи. Надо думать, что учитель былъ хорошій и умѣлъ заохотить къ ученію: оба ученика вышли просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка. Молодой Шуваловъ еще въ Москвѣ понималъ и даже говорилъ по французски и по нѣмецки, также пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ.

Его воспитывали по просту, пользуясь при обученіи средствами, какія можно было тогда имѣть въ Москвѣ, и конечно не думая вовсе приготовлять его къ извѣстности. Какъ и всѣ тогдашніе дворяне, онъ со временемъ вѣроятно поступилъ бы рядовымъ въ какой нибудь полкъ, если только не былъ записанъ въ военную службу съ младенчества. Петербургское родство не могло обѣщать родителямъ Шувалова никакихъ особенныхъ надеждъ относительно будущности ихъ сына. Правда, двоюродные его братья служили уже камеръ-юнкера-

(10). См. Родослов. книгу. ч. II. стр. 66. Къ сожалѣнію кн. Долгоруковъ не показываетъ, откуда заимствовалъ онъ это любопытное извѣстіе, которое объясняетъ привычку великаго полководца пѣть въ церкви на клиросѣ, и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину и велико-русскіе дворяне поступали въ бѣлое духовенство.

ми, но при дворѣ цесаревны Елизаветы Петровны, которая, въ царствованіе Анны Ивановны, сама не рѣдко искала покровительства и жила какъ бы въ опалѣ, иногда даже терпѣла нужду (11).

Но наступилъ памятный въ русской исторіи Ноябрь мѣсяцъ 1741 года. Оба братья Шуваловы показали особенную дѣятельность въ ночь на 25-е число этого мѣсяца, когда дочь Петра Великаго поѣхала изъ дворца своего (нынѣшнее зданіе пажескаго корпуса) въ Преображенскія казармы принимать присягу на вѣрноподданство. Усердіе Шуваловыхъ много помогло счастливому окончанію этого переворота, совершившагося къ радости цѣлой Россіи, измученной правленіемъ Бирона. Государыня, разумѣется, не забыла услуги. Оба брата немедленно получили по нѣскольку наградъ, были пожалованы чинами и удержаны при дворѣ, уже съ званіемъ дѣйствительныхъ камергеровъ. Жена младшаго изъ нихъ, Петра Ивановича, Мавра Егоровна (урожд. Шепелева), сдѣлалась статсъ-дамою и пріобрѣла большую силу во дворцѣ.

Почти весь слѣдующій годъ (съ Февраля по Декабрь) Елизавета Петровна прожила въ любимой своей Москвѣ, гдѣ въ Апрѣлѣ происходили торжества вѣнчанія на царство. Тутъ братья Шуваловы конечно видались съ своими родственниками и, по всему вѣроятію, въ это время замѣтили между ними 15-лѣтняго мальчика прекрасной наружности, тихаго, добронравнаго, прилежнаго къ ученью. Намъ неизвѣстно умственное развитіе Александра Ивановича Шувалова, но о братѣ его, Петрѣ, современники единогласно отзываются, какъ о человѣкѣ съ обширнымъ умомъ и съ большими свѣдѣніями, особливо въ наукахъ математическихъ. По всему вѣроятію онъ обратилъ вниманіе на двоюроднаго брата своего, и рѣшился взять его къ себѣ въ Петербургъ, чтобы образовать его и вывести въ люди. Молодой Шуваловъ былъ опредѣленъ въ пажи къ царскому двору, т. е. поставленъ на ту самую дорогу, по которой съ такимъ успѣхомъ шли его родственники.

---

(11) Вотъ между прочимъ любопытное о томъ свидѣтельство. Елизавета Петровна въ царствованіе Анны Ивановны была дружна съ принцессою Анною Леопольдовною. Когда у сей послѣдней родился сынъ (будущій императоръ Іоаннъ), цесаревнѣ необходимо было чѣмъ нибудь подарить родильницу. Она нѣсколько разъ посылала въ Гостиный дворъ торговать какую-то вазу; но не могла дать дорогой цѣны, которую за нее просили. Вдругъ гостинодворцы по чему-то узнали, что ваза нужна дочери Петра Великаго, и немедленно уступили ее даромъ. Какъ извѣстно, Елизавета Петровна въ ту пору считалась представительницею русской стороны. Этотъ разсказъ сообщенъ по преданію покойнымъ Ф. Ф. Вигелемъ.

Въ исходѣ 1742 г. государыня и дворъ уѣхали изъ Москвы, и съ этихъ поръ, по всему вѣроятію, началась для Шувалова петербургская придворная жизнь его ([12]).

Сохранилось много свидѣтельствъ о томъ, что въ это время первые люди въ государствѣ живо чувствовали необходимость образованія. Ближайшее лице къ государынѣ, оберъ-егермейстеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій тотчасъ воспользовался своимъ возвышеніемъ, чтобы вызвать изъ Украйны 14 лѣтняго брата, Кирилу Григорьевича, и немедленно, по возвращеніи изъ Москвы, отправилъ его за границу учиться подъ надзоромъ адъюнкта Теплова ([13]). М. И. Воронцовъ (мужъ императрицыной двоюродной сестры, Анны Карловны Скавронской) не щадилъ издержекъ на воспитаніе дѣтей и племянницы (впослѣдствіи знаменитой кн. Дашковой) ([14]). Государственный канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ посвящалъ свои досуги наукамъ и въ послѣдствіи даже печаталъ книги ([15]). Такіе примѣры не могли оставаться безъ подражанія. Не мудрено, что Шуваловы также позаботились объ учителяхъ для брата своего. Но положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось: знаемъ только, что, будучи пажемъ, молодой Шуваловъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе. Можетъ быть для преподаванія наукъ приглашались петербургскіе академики; но ни предметы, ни объемъ преподаванія намъ неизвѣстны. Въ послѣдствіи, Шуваловъ не обнаруживалъ особенной склонности къ какой-либо отдѣльной отрасли знанія: его образованіе было общее, энциклопедическое, хотя изящная словес-

---

(12). Мы говоримъ *по всему вѣроятію*, не утверждая навѣрное. С. Н. Глинка сообщаетъ (Русское Чтеніе, ч. II. стр. 281), что Шуваловъ находился уже въ Петербургѣ въ 1742 г., передъ возвращеніемъ туда императрицы, и что онъ спрашивалъ Ломоносова, будетъ ли ода на высочайшее прибытіе. Тотъ отвѣчалъ, что ему надоѣли оды послѣ того, какъ Тредьяковскій написалъ оду Бирону, и потомъ по его приказу накропалъ другую на восшествіе Іоанна Антоновича, которую и приписалъ Ломоносову, чтобъ придать ей ходъ.—Стало быть вы не любите Елизаветы? — возразилъ Шуваловъ. Въ отвѣтъ на это Ломоносовъ принялся за оду:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ.

Все это Глинка слышалъ по преданію отъ умиравшаго Хераскова, и точности тутъ искать нечего. Кромѣ того Шуваловъ могъ уѣхать изъ Москвы впередъ, прежде двора.

(13). См. въ Москвитянинѣ (1852, № 12. стр. 3—8) *Инструкцію, какимъ образомъ Разумовскому поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ*, подписанную въ Мартѣ 1743 г.

(14). Записки кн. Дашковой, въ отрывкахъ переведенныя съ англійскаго, въ Москвит. 1842. № 1. стр. 100.

(15). См. его біографію у Бант. Кам. 1836. ч. 1. стр. 133—9.

ность наиболѣе занимала его. Это объясняется съ одной стороны потребностями того времени, съ другой необыкновенною способностью Шувалова къ иностраннымъ языкамъ. Онъ рано познакомился съ языками итальянскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Послѣднему легко было научиться, находясь при дворѣ Елизаветы Петровны, особливо въ первые годы ея царствованія, когда еще не было устранено вліяніе Лестока; языкъ итальянскій постоянно слышался со сцены придворнаго театра, который славился тогда во всей Европѣ итальянскою оперою; наконецъ уроки учителей, которые, по всему вѣроятію, были преимущественно Нѣмцы, могли познакомить Шувалова съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками.

Знаніе языковъ не только обогащало Шувалова разнородными свѣдѣніями, но и помогло служебнымъ его успѣхамъ. Оно было особенно полезно въ должности пажа. Государыня и вельможи не рѣдко посылали Ивана Ивановича къ иностраннымъ министрамъ съ разными посылками, вопросами и порученіями, такъ что онъ былъ постоянно на виду. Его скромность, добронравіе, любознательность, а вѣроятно болѣе всего красота — родовое преимущество Шуваловыхъ, выдвигали его изъ ряда товарищей. Братья Шуваловы не теряли его изъ виду, «имѣя — какъ отзывается племянникъ и жизнеописатель его, Кн. Ѳ. Н. Голицынъ — можетъ быть какія-нибудь дальнѣйшія соображенія». Нѣтъ сомнѣнія, что статсъ-дама, Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, жившая постоянно во дворцѣ [16], пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа благосклонное вниманіе государыни Елизаветы Петровны: онъ получилъ первый знакъ милости ея величества — золотые часы, и назначенъ камеръ-пажемъ. Впрочемъ въ первые годы царствованія Елизаветы Петровны Шуваловы еще не пользовались особеннымъ значеніемъ: тогда наибольшую силу имѣлъ графъ А. Г. Разумовскій. Сохранилось любопытное преданіе, что Мавра Егоровна Шувалова служила молебны по возвращеніи мужа своего съ охоты, на которую онъ ѣзжалъ съ Разумовскимъ, такъ какъ иногда случалось, что сей послѣдній обращался съ ея мужемъ не очень вѣжливо, и по просту сѣкъ его батогами [17]. Мало по малу сила

---

(16). Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. 1821. г., ч. 1. стр. 179. и Данилова, стр. 102.

(17). Это разсказывалъ гр. Н. Г. Чернышевъ, и записалъ Порошинъ. См. его записки, Спб. 1844. стр. 72.

Разумовскаго ослабѣвала, хотя онъ до конца пользовался почестями и милостями; Шуваловы же умѣли упрочить свое значеніе. Старшій изъ нихъ, Александръ, получилъ въ свое вѣдѣніе тайную канцелярію; Петръ Ивановичь сосредоточилъ въ рукахъ своихъ разныя отрасли управленія, главнымъ же образомъ тѣ, которыя нынѣ входятъ въ составъ министерствъ военнаго и финансовъ; оба они въ 1746 году получили графскій титулъ русской имперіи. Они дѣйствовали однако весьма осторожно, и для возвышенія двоюроднаго своего брата сочли нужнымъ обратиться къ покровительству двухъ друзей графа Разумовскаго, къ Апраксину и графу Бестужеву-Рюмину. Александръ Ивановичь Шуваловъ нарочно ѣздилъ къ нимъ просить, чтобъ они «фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и ея величеству въ удобное время доложили» о дальнѣйшемъ производствѣ Ивана Ивановича (18). Очевидно, это было сдѣлано только для прикрытія: на самомъ дѣлѣ милость императрицы къ Шуваловымъ уже не подлежала сомнѣнію.

Сказанное происходило въ 1749 году. Тогда императрица жила круглый годъ въ Москвѣ, по временамъ уѣзжая въ окрестныя села и монастыри. Свои имянины, 5 Сентября, она праздновала въ Воскресенскомъ монастырѣ, и наканунѣ этого дня пожаловала Ивана Ивановича Шувалова, которому тогда еще не исполнилось 22 лѣтъ, своимъ камеръ-юнкеромъ, о чемъ напечатано было слѣдующее извѣстіе въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «Прошлаго Сентября 4 «дня въ Воскресенскомъ монастырѣ ея императорское величество «всемилостивѣйше пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Ивано- «вича Шувалова въ свои камеръ-юнкеры съ жалованіемъ, по чему «прочіе ея величества камеръ-юнкеры получаютъ» (19).

Съ этихъ поръ начинается придворное значеніе И. И. Шувалова или, какъ тогда говорили, *случай* его (20). Хотя, по возвращеніи государыни въ Петербургъ, въ 1751 году, явился было ему весьма опасный совмѣстникъ въ лицѣ молодаго подпоручика гвардіи Никиты Аѳанасьевича Бекетова, но его скоро отстранили, съ помощью какого-то притиранья, которое ему далъ графъ П. И. Шуваловъ и

(18). Тамъ же.

(19). См. Спб. Вѣдомости, 1749 г. № 83. стр. 678. извѣстіе изъ Москвы, отъ 15 Октября.

(20). Отсюда обыкновенное выраженіе про людей, внезапно возвысившихся: *онъ человѣкъ случайный.* Этому выраженію соотвѣтствуетъ другое: *быть во времени, временщикъ;* какъ, на пр., говорятъ человѣку, который получаетъ выгодное мѣсто: «будешь во времени, меня помяни».

которое обезобразило его наружность (21). Неусыпная дѣятельность графини Мавры Егоровны Шуваловой увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Ивану Ивановичу было отведено особенное помѣщеніе во дворцѣ, остававшееся за нимъ до самой кончины императрицы. Онъ внезапно очутился на высотѣ почестей: его назначили дѣйствительнымъ камергеромъ, дали ему ордена Александра Невскаго и Польскій Бѣлаго Орла (1754), чины генералъ-поручика (21 Сент. 1757) и генералъ-адъютанта (4 Іюня 1760), наконецъ онъ сдѣлался членомъ Конференціи или тогдашняго Государственнаго Совѣта (22). Однимъ словомъ, въ продолженіе слишкомъ 10 лѣтъ онъ пользовался неизмѣнною, постоянно возраставшею милостью государыни, которая, какъ видно изъ современныхъ отмѣтокъ, нѣсколько разъ въ году обѣдывала и ужинала у него, оставаясь не рѣдко по долгу въ его домѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны всѣ важныя дѣла проходили чрезъ руки И. И. Шувалова: онъ не рѣдко объявлялъ Сенату и высшимъ чиновникамъ именныя повелѣнія (23); къ нему обращались въ затруднительныхъ случаяхъ, когда нужно бывало особенное распоряженіе императрицы; черезъ него подавались просьбы и доклады на высочайшее имя, и особенно часто въ концѣ царствованія, когда Елизавета Петровна по нездоровью почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ дворца (24).

Нравы и понятія того времени не дозволяютъ произносить строгихъ приговоровъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не сказать въ похвалу Шувалову, что счастіе не измѣнило и не испортило его, быть можетъ, потому, что онъ не добивался его, а оно пришло къ нему само, неожиданно. Его предшественникъ графъ Разумовскій, не знавъ его еще коротко, сначала ожидалъ себѣ непріятностей и боялся удаленія отъ двора; но вскорѣ убѣдился, что Иванъ Ивановичь нисколько не

---

(21) См. его біографію у Бант. Кам. изд. 1836. ч. I. стр. 115.

(22). См. тамъ же, ч. V. стр. 348. Эти повышенія означены также и въ современныхъ вѣдомостяхъ. Бант. Каменскій имѣлъ въ рукахъ, какъ видно, формулярный списокъ Шувалова У него обозначены дипломатическія бумаги, подъ которыми подписался Шуваловъ, а именно: 7 Марта 1760 г., подъ актомъ приступленія Россіи къ трактату между вѣнскимъ и парижскимъ дворами, о продолженіи войны съ Пруссіею; 10 Марта 1760 г, подъ актомъ приступленія Россіи къ договору между Франціею и Даніею, постановленному въ Копенгагенѣ (о чемъ, не сказано), и 21 Марта того же года, подъ конвенціею о взаимной дружбѣ Россіи съ Австріею.

(23). Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 100—101.

(24). См., между прочимъ, Порошина. стр. 462.

думалъ интригами упрочивать свое положеніе, и доброе согласіе между ними никогда не нарушалось. Вообще мы не видимъ у Шувалова соперниковъ; безкорыстными поступками, мягкимъ и всегда ровнымъ характеромъ своимъ онъ никого не могъ вооружать противъ себя. Всѣ знали въ немъ человѣка добродушнаго, не имѣющаго никакихъ личныхъ замысловъ; его благонамѣренности нельзя было не вѣрить, ибо всякое доброе дѣло, всякая истинная заслуга не только находили въ немъ цѣнителя, но онъ самъ любилъ ихъ отыскивать, и обращать на нихъ милостивое вниманіе императрицы. Извѣстно, что душевныя качества всего лучше раскрываются въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба предоставляетъ человѣку обширный кругъ дѣйствій и даетъ ему власть надъ другими людьми, которая, по выраженію Екатерины II, подобно вину, обнаруживаетъ душу и сердце. Между тѣмъ какъ вельможи и министры искали покровительства Шувалова, и отъ него не рѣдко зависѣло рѣшеніе въ государственныхъ дѣлахъ первой важности, самъ онъ оставался все тотъ же, тихій и скромный, любитель небольшаго кружка друзей, врагъ ссоръ и шума, доброжелательный и снисходительный. Никакія тревоги не возмущали душевной его ясности; онъ не пристрастился ни къ богатству, ни къ почестямъ. Онъ не имѣлъ и ни за что не хотѣлъ принять графскаго титула, который пріобрѣли двоюродные его братья; отказывался не только отъ медали, которую было вздумали выбить въ честь его, но и отъ большихъ помѣстій, не разъ предлагаемыхъ ему императрицею (25).

Нельзя не замѣтить однако, что тутъ была и дурная сторона. По своей добродушной и нѣсколько лѣнивой природѣ, Шуваловъ не могъ въ дѣлахъ государственныхъ выдти изъ-подъ вліянія двоюроднаго своего брата, графа Петра Ивановича, который чрезъ его возвышеніе вполнѣ достигъ своей цѣли и всегда имѣлъ въ немъ покорное себѣ орудіе. Всѣ современники обвиняютъ графа Шувалова въ неумѣрномъ корыстолюбіи, которое омрачало славу и возмущало счастливое спокойствіе Елизаветина царствованія. Опираясь на значеніе брата, онъ первенствовалъ въ Конференціи и Сенатѣ и дѣлалъ, что хотѣлъ. Иванъ Ивановичь не въ силахъ былъ преодолѣть свой уступчивый характеръ и не рѣдко покорялся брату, вопреки своему убѣж-

(25) См. о медали въ вышеуказанной статьѣ Снегирева, стр. 399. Въ иностранныхъ сочиненіяхъ часто смѣшиваютъ Шувалова съ двоюродными его братьями и называютъ его графомъ. Эта ошибка нерѣдко повторялась и у насъ, даже недавно.

денію. Петръ Ивановичь всегда умѣлъ разжалобить его, надоѣдалъ ему своими просьбами, выставлялъ передъ нимъ свою правоту, и достигалъ цѣли. Не имѣя опытности въ дѣлахъ, И. И. Шуваловъ судилъ о другихъ по себѣ и можетъ быть почиталъ обязанностью слушаться старшаго брата, который вывелъ его въ люди и былъ ему вмѣсто отца. Въ то время уваженіе къ старшинству, особливо въ родствѣ, было очень сильно. Сохранилось на пр. преданіе, что Григорій и Алексѣй Орловы, на высотѣ почестей и славы, никогда не смѣли садиться въ присутствіи малочиновнаго старшаго брата своего, Ивана Григорьевича. Не рѣдко Шуваловъ находился въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ передаетъ кн. Я. П. Шаховской въ драгоцѣнныхъ запискахъ своихъ. Шуваловъ давно и коротко зналъ кн. Шаховскаго и оказывалъ ему покровительство, безъ сомнѣнія цѣня его рѣдкое прямодушіе и усердіе къ службѣ. Но кн. Шаховской постоянно не ладилъ съ графомъ Шуваловымъ. Уже давно между ними были разныя непріятности, особенно усилившіяся съ тѣхъ поръ, какъ кн. Шаховской сталъ засѣдать въ Конференціи, получивъ, не безъ содѣйствія Ивана Ивановича, одну изъ важнѣйшихъ въ то время должностей — генералъ-прокурора въ Сенатѣ. Графу Шувалову нужно было доставить выгодное мѣсто одному изъ своихъ кліентовъ; Шаховской воспротивился, находя такое назначеніе незаконнымъ. Послѣ жаркаго спора гр. Шуваловъ ушелъ изъ Конференціи, собиравшейся обыкновенно во дворцѣ, къ Ивану Ивановичу, и со слезами жаловался ему на упрямство генералъ-прокурора. На другой день явился къ Ивану Ивановичу и сей послѣдній и скоро убѣдилъ его въ своей справедливости. Такимъ образомъ Шуваловъ очутился между двухъ огней. Положено было свести противниковъ на очную ставку.

«Чрезъ нѣсколько дней—разсказываетъ Шаховской — когда его «сіятельство графъ Петръ Ивановичь по чину генералъ-адьютанта «во дворѣ дежурнымъ былъ, дано мнѣ было знать отъ Ивана Ивановича, чтобы я по полудни, въ пятомъ часу, пріѣхалъ во дворецъ «и былъ въ покой къ нему, что̀ я исполнить и не преминулъ. Онъ «тотчасъ брата своего Петра Ивановича чрезъ посланнаго отъ себя «увѣдомилъ; а потомъ вскорѣ позвалъ меня къ нему въ дежурную. «Мы, пришедъ, нашли его одного, ходящаго по камерѣ, столикъ не«большой четвероугольной и три стула вокругъ онаго уже были го«товы. Мы поклонясь и учтивыми словами и видами, какъ обыкно-

«венно при такихъ случаяхъ бываетъ, обласкавъ, сѣли за оной сто-«ликъ: Иванъ Ивановичь на одномъ концѣ, а мы по сторонамъ, «одинъ противъ другаго. Иванъ Ивановичь, кликнувъ графскаго ка-«мердинера, послалъ его въ прихожую камеру, чтобъ онъ всѣмъ «приходящимъ къ графу отказывалъ, и началъ, яко ректоръ, пред-«лагать задачу, объявя, во первыхъ, брату своему нѣсколько словъ «изъ моихъ представленій о безпристрастномъ желаніи моемъ быть «съ ними въ согласіи и дружбѣ.» Тутъ начался долгій и жаркій споръ, въ продолженіи котораго Иванъ Ивановичь большею частію молчалъ, изрѣдка останавливая брата своего въ горячности. Шаховской напомнилъ графу многія его продѣлки, доказывалъ, что они могутъ имѣть дурныя послѣдствія и дружески совѣтывалъ вести себя осторожнѣе. «Вотъ братецъ—замѣтилъ Иванъ Ивановичь—мнѣ кажется, его «сіятельство, какъ справедливость любящій человѣкъ, прямо дружбы «вашей желаетъ на честныхъ основаніяхъ.» Но разговоръ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, кончился ничѣмъ. Миролюбивое вмѣшательство Шувалова не имѣло успѣха, и противники разстались непримиренные. Однако послѣ этого Шаховской замѣтилъ, что «Иванъ Ивановичь болѣе видовъ ласковости, а менѣе прибли-«женія къ искренней откровенности ему оказывалъ (²⁶).» Вообще вліяніе брата тяготѣло надъ Шуваловымъ. Вотъ еще примѣръ того. Изъ всѣхъ царедворцевъ Шуваловъ особенно былъ друженъ съ камергеромъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, братомъ славнаго Захара Григорьевича. Ихъ звали Орестомъ и Пиладомъ, и они подписывались такъ въ письмахъ другъ къ другу. Сходство характеровъ, откровенность, добродушіе и любовь къ просвѣщенію сближали ихъ. Но графъ Шуваловъ узналъ, что Чернышевъ передаетъ Ивану Ивановичу объ разныхъ его поступкахъ, и тотчасъ же успѣлъ сбыть съ рукъ такого, какъ выражается кн. Шаховской, Аргуса: Чернышевъ былъ отправленъ въ Вѣну товарищемъ къ тамошнему русскому посланнику, графу Кейзерлингу. (²⁷).

И такъ, не смотря на всю силу свою при дворѣ, Шуваловъ въ дѣлахъ государственныхъ былъ покорнымъ орудіемъ другихъ.

---

(26) Записки Шаховскаго. ч. II. стр. 50—61.

(27) Тамъ же. стр. 66—67. и Москвит. 1845, № 11, гдѣ напечатаны письма гр. Чернышова къ Шувалову.

Между тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ этотъ человѣкъ не имѣлъ характера; трудно упрекнуть его въ вялости душевной. Что же занимало его, въ какой сферѣ дѣйствовалъ онъ энергически и былъ вполнѣ самостоятеленъ? На высоту почестей, къ блестящему и пышному двору Елизаветы принесъ онъ чувство благотворительности и горячую юношескую любознательность, и тѣмъ оказалъ, можетъ быть, гораздо болѣе истинной пользы отечеству, нежели другіе тогдашніе вельможи.

«Я увѣренъ, говоритъ кн. Ѳ. Н. Голицынъ про дядю своего, «что рѣдко встрѣчался у двора человѣкъ столь добродѣтельный. «Каждаго просителя допущалъ онъ до себя почти безъ докладу, вы- «слушивалъ терпѣливо, отбиралъ бумаги; отвѣтъ они получали безъ «всякой проволочки. Если же онъ хоть мало, между прибѣгающими «къ нему, примѣтить могъ недостаточнаго, то, даже и не спрашивая «объ его состояніи, тотчасъ ему помогалъ. Мало кто, я думаю, ви- «дѣлъ въ свою жизнь столь щедраго человѣка.»

Скромность Шувалова конечно утаивала эти подвиги благотворительности. Но до насъ дошли они, какъ по общему преданію, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Тотъ же князь Шаховской, о которомъ говорено выше, передаетъ слѣдующій случай. Находясь въ должности генералъ-кригсъ-коммисара, и живя въ Москвѣ, Шаховской случайно узналъ, что больные солдаты очень дурно помѣщались въ гошпиталѣ, и не подавая никому о томъ рапорта, чтобы поскорѣе помочь, рѣшился перевести ихъ на время въ старое и давно оставленное зданіе дворцовыхъ пивоварень. Петербургскіе враги его, въ томъ числѣ графъ П. И. Шуваловъ, не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и чрезъ графиню Мавру Егоровну представили этотъ поступокъ, какъ примѣръ необыкновенной дерзости и самовольства. Они увѣрили государыню, что Шаховской помѣстилъ солдатъ съ прилипчивыми болѣзнями въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ разливаются напитки для ея величества. Немедленно поскакалъ въ Москву нарочный съ указомъ перевести больныхъ солдатъ въ домъ Шаховскаго и размѣстить по всѣмъ комнатамъ, не обходя и спальни. Бѣдный Шаховской обратился съ просьбою о заступленіи къ Ивану Ивановичу, который тотчасъ же разсказалъ государынѣ настоящее дѣло и, выпросивъ ему полное прощеніе, поспѣшилъ успокоить его письмомъ своимъ. «Я оному письму господина Шувалова—говоритъ Шаховской—обрадовался, яко бы съ небесъ присланной, охранитель-

ной отъ всякихъ мнѣ злоключеній грамотѣ.... своимъ благосклоннымъ ко мнѣ писаніемъ онъ весьма похвалялъ учиненный мой въ призрѣніи бѣдныхъ поступокъ и обнадеживалъ меня своимъ защищеніемъ.... Онъ отъ имени ея величества въ томъ увѣрялъ меня, что ея величество, увидя мое оправданіе, сожалѣетъ, что такъ скоро и неосмотрительно со мною было учинено» ([28]).

Вотъ еще другой примѣръ благотворительности Шувалова. Извѣстный медикъ Лестокъ, оказавшій Елизаветѣ Петровнѣ большія услуги при восшествіи ея на престолъ, былъ оклеветанъ передъ императрицею, лишенъ чиновъ, имѣнія и посаженъ, вмѣстѣ съ молодою женою, въ Петропавловскую крѣпость (1748). Черезъ четыре года ихъ перевели на житье въ Вологодскую губернію, въ Устюгъ Великій (1753). Оттуда Лестокъ писалъ къ Шувалову, прося заступленія. Хотя Лестокъ былъ личный врагъ двухъ самыхъ значительныхъ людей того времени, канцлера Бестужева и фельдмаршала Апраксина, однако Шуваловъ успѣлъ нѣсколько облегчить его участь, исходатайствовалъ ему большую свободу въ заключеніи, и посылалъ ему разнаго рода вспоможенія, что̀ видно изъ слѣдующаго письма къ нему самаго Лестока ([29]).

«Высокородный графъ, высочайшая милость и сожалѣніе ея имп. величества приводитъ насъ до высочайшей степени радости, что мы въ крайней нашей печали и бѣдности не совсѣмъ позабыты; мы все по реэстру получили, что ваше сіятельство переслать къ намъ изволили. Ваше сіятельство можете разсудить, какъ пріятно и нужно намъ это быть можетъ, что здѣсь ни фунта хорошева чаю, ниже хорошева вина ни за что достать не сыщемъ. Ваше жъ сіятельство, изъ природнаго вашего добросердечія, насъ спросить приказали, нѣтъ ли намъ въ мѣхахъ нужды: намъ крайняя въ томъ нужда, потому что здѣсь оное не продается; хотя бъ старая, ношеная женская епанча, мы очень обрадуемся и съ благодареніемъ принимаемъ, что̀ намъ присылается. Еще прошу о 40-ка фунтахъ хлопчатой бумаги. Мы принуждены чай пить изъ мѣдныхъ чашекъ, ибо фарфороваго какъ чайника, такъ и чашекъ не имѣемъ. Можно бъ мнѣ осмѣлиться просить ваше сіятельство объ одномъ ружьѣ, и чтобъ мнѣ позволено

---

(28) Записки кн. Шаховскаго. ч. 1, стр. 151—189.

(29) См. Москвит. 1845, № 11, стр. 35. Подробности о Лестокѣ въ его біографіи у Бант. Каменскаго и въ книгѣ Вейдемейра: *Царствованіе Елизаветы Петровны*, стр. 63—66. Лестокъ называетъ Шувалова графомъ, по незнанію.

было стрѣлять, здѣсь много сурковъ, однакожь не продаются. Жена моя покорнѣйше благодаритъ за присланное платье. Впротчемъ съ покорностію пребуду покорной слуга *Г. Лештокъ.* 2 февраля. Еще прошу о 1½ фунтѣ рад: валерiа магно. Я предъ симъ имѣлъ смѣлость писать къ вашему сiятельству 9 Окт. 10 Ноября и 10 Генваря.»

По всему вѣроятію Шуваловъ же обратилъ вниманіе государыни на бывшаго императора Ивана Антоновича: есть извѣстіе, что его привозили въ Петербургъ въ домъ Ивана Ивановича (1756), и что Елизавета Петровна видѣлась съ несчастнымъ своимъ предшественникомъ. Мы не говоримъ уже о такъ называемой отмѣнѣ смертной казни, хотя изданіе этого узаконенія тоже приписывается благимъ внушеніямъ и напоминаніямъ молодаго царедворца [30].

Но главная заслуга Шувалова передъ потомствомъ заключается въ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ наукамъ и вообще образованію. Если даже предположить, что славолюбіе руководило имъ на этомъ поприщѣ, что ему просто хотѣлось прослыть меценатомъ, какъ отзывается о немъ княгиня Дашкова [31], то и въ этомъ случаѣ подобное желаніе, и особливо въ то время, заслуживаетъ полнаго уваженія. Только въ высокой душѣ возникаетъ такого рода честолюбіе. Но Шуваловъ любилъ науки со всею искренностію прекрасной души своей. Притворяться цѣлой вѣкъ невозможно, а онъ всегда, до конца жизни, посвящалъ свои досуги чтенію, окружалъ себя книгами, картинами, статуями, бесѣдовалъ съ учеными и художниками, радовался успѣхамъ Русскихъ въ дѣлѣ словесности и наукъ. Отъ великолѣпныхъ пировъ Елизаветина времени, отъ придворныхъ дежурствъ, отъ политическихъ преній и засѣданій въ министерской конференціи, молодой царедворецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, осыпанный дарами природы и счастія, любилъ отдыхать за книгами, въ бесѣдахъ съ академиками, съ великимъ Ломоносовымъ.

Извѣстность Ломоносова была уже упрочена, когда Шуваловъ получилъ силу при дворѣ. Тогда Ломоносовъ уже славился своею «Реторикою» (1748), «Похвальнымъ словомъ императрицѣ Елизаветѣ» (1749) и многими одами. Написаны были ода, начинающаяся словами: «*Царей и царствъ земныхъ отрада*» (1747), и другая «*Заря*

(30) См. Бант. Каменскаго въ біографіи гр. П. И. Шувалова и объясненія на соч. Державина. стр. 47.

(31) См. Москвит. 1841. № 1, стр. 102.

багряною рукою», приводившія въ восторгъ нашихъ дѣдовъ и отцевъ. Образованнѣйшіе люди того времени заучивали наизусть строфы Ломоносова, любуясь доселѣ неслыханнымъ сочетаніемъ звуковъ роднаго слова. Мы имѣемъ любопытное о томъ свидѣтельство, правда, относящееся ко времени, нѣсколько позднѣйшему, но вполнѣ характеристическое. Учитель великаго князя Павла Петровича, Порошинъ разсказываетъ, что однажды онъ читалъ наизусть ученику своему заключительныя строфы пятой оды Ломоносова (на бракосочетаніе в. к. Петра Ѳедоровича и в. к. Екатерины Алексѣевны, 1745 года). Великій князь—замѣчаетъ Порошинъ—очень внимательно изволилъ слушать и сказалъ мнѣ: «Ужесть какъ хорошо, это нашъ Вольтеръ.» Великому князю было тогда 11 лѣтъ; этотъ отзывъ конечно слышалъ онъ отъ графа Панина, своего воспитателя, и другихъ окружавшихъ его лицъ. Въ другомъ мѣстѣ записокъ Порошина читаемъ: «Разговорились мы о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, и потомъ вообще о людяхъ ученыхъ. Говорилъ я его высочеству, какъ принимать ихъ и какое почтеніе отдавать имъ должно, для ободренія наукъ и покровительства» (32). Такъ вообще тогда думали. Образованность шла впередъ; сцена Тредьяковскаго съ Волынскимъ уже не могла повториться. Первые люди въ государствѣ, графы Воронцовы, графъ П. И. Шуваловъ, графъ К. Г. Разумовскій, покровительствовали или считали приличнымъ и нужнымъ покровительствовать Ломоносову. Они принимали его къ себѣ, уважая его таланты и труды; но покровительство ихъ было болѣе или менѣе оффиціальное, безъ внимательной оцѣнки, безъ искренняго участія. Въ одномъ И. И. Шуваловѣ Ломоносовъ нашелъ себѣ истиннаго цѣнителя, истиннаго, какъ тогда говорили, патрона, и это отъ того, что Шуваловъ самъ занимался науками и могъ вполнѣ постигать заслуги великаго человѣка; онъ не только радовался новымъ пріобрѣтеніямъ науки и русскаго слова, но внимательно слѣдилъ за трудами Ломоносова, вникалъ въ нихъ подробно, поощрялъ къ дальнѣйшему, оказывалъ всякую помощь, постоянно ободряя, поддерживая и въ тоже время требуя отчета. Разумѣется, Ломоносовъ это чувствовалъ. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, жалуясь на собратій своихъ, онъ говоритъ, что они воспользовались ученіемъ для того только, «чтобы отворить себѣ путь ко счастію, а науки почти со-

(32) Записки Порошина, стр. 469 и 195.

всѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ мало или ничего не спрашиваютъ, и по какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете» ([33]). Или, въ посвященіи Шувалову поэмы «Петръ Великій», Ломоносовъ такъ выражается:

И многи, и сія дана тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видитъ твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ понику утомленъ,
Вниманіемъ твоимъ возстану ободренъ.

Шуваловъ познакомился лично съ Ломоносовымъ, вѣроятно, еще будучи пажемъ, когда онъ продолжалъ начатое въ Москвѣ ученіе; можетъ быть и учился онъ по его Реторикѣ (1748). Близкія сношенія ихъ, сколько извѣстно по печатнымъ указаніямъ, начинаются съ 1750 года, т. е. именно съ тѣхъ поръ, когда Шуваловъ получилъ значеніе при дворѣ: ему тогда было 23, Ломоносову 39 лѣтъ. Молодой царедворецъ немедленно воспользовался своимъ возвышеніемъ для того, чтобъ обратить милостивое вниманіе государыни на геніальнаго человѣка. Въ концѣ лѣта 1750 года, Елизавета Петровна отправлялась изъ Петербурга въ Царское село. Шуваловъ поѣхалъ туда же. Еще до отъѣзда его Ломоносовъ послалъ къ нему (18 Августа) письмо въ стихахъ, гдѣ между прочимъ говорилъ:

Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елизаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ,
Гдѣ хитрость мастерства, преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ вверхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.
Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя парнасскихъ горъ закрыть.
Тебѣ пріятны коль россійскихъ музъ успѣхи,
То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.

---

(33) Письмо отъ 31 Мая 1753 года.

Ты, будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.

«Чтобы ободрить Ломоносова — разсказывалъ впослѣдствіи Шуваловъ — я взялъ его съ собою въ Царское Село» ([34]). Вслѣдъ за этимъ Ломоносовъ написалъ оду, «въ которой ея величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость въ Царскомъ Селѣ, Августа 27 дня, 1750 года.» Въ этой одѣ описана рѣка Славянка, охота императрицы по царскосельскимъ лѣсамъ, тамошнія сооруженія и проч. Въ чемъ именно заключалась высочайшая милость, неизвѣстно. Кажется, что Шуваловъ представлялъ Ломоносова государынѣ. Если не ошибаемся, въ это время поставлена была на сцену придворнаго театра трагедія Ломоносова въ стихахъ: *Тамира и Селимъ* или, какъ тогда говорили, *траждедія о Мамаѣ* (Мамай—одно изъ главныхъ лицъ въ этой трагедіи). «Поздравляю васъ — писалъ Ломоносовъ къ Шувалову — съ пріѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ которое я отсюда какъ въ рай мыслію взираю, и завидую Тамирѣ, что она щастливѣе своего сочинителя, за тѣмъ, что предстанетъ безъ него предъ очи великія монархини, въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено» ([35]).

Съ этихъ поръ сношенія Ломоносова съ Шуваловымъ не прекращались. Ломоносовъ представлялъ ему на судъ свои сочиненія, безпрестанно былъ приглашаемъ къ нему, переписывался съ нимъ во время его отлучекъ на дачу, которую онъ имѣлъ по Петергофской дорогѣ (гдѣ императрица не рѣдко у него ужинала), въ Петергофъ, Царское село и другія окрестности Петербурга, такъ часто посѣщаемыя Елизаветою Петровною. Къ сожалѣнію, отвѣтныхъ писемъ Шувалова мы не имѣемъ. Изъ уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова видно, что лѣтомъ слѣдующаго 1751 года онъ посылалъ Шувалову эклогу подъ названіемъ *Зима*, сочиненіе ученика своего Поповскаго, которому онъ

(34) Записки Тимковскаго, стр. 60.
(35) Полн. Собр. Соч. Ломоносова, Спб. 1803 г. ч. I, стр. 342—343.

давалъ на дому у себя уроки въ россійскомъ стихотворствѣ; въ Сентябрѣ того же года онъ посылаетъ Шувалову свое стихотвореніе на спускъ корабля Златоуста, увѣдомляетъ объ окончаніи трагедіи Демофонтъ, и о составленіи плана Россійской Исторіи. Живя въ Петербургѣ, Шуваловъ очень часто видался съ Ломоносовымъ. Вельможа и ученый скоро сблизились другъ съ другомъ. Изъ роскошныхъ покоевъ своихъ во дворцѣ (на Невскомъ проспектѣ, близь Полицейскаго моста) Шуваловъ не рѣдко ѣзжалъ къ Ломоносову въ его скромный домикъ на берегу Мойки (нынѣ принадлежащій Почтамту). «Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину— говорила въ 1828 году Свиньину племянница Ломоносова, Матрена Евсеевна Лопатина, нѣкогда жившая въ Петербургѣ съ дядею—мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его раззолоченой каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся, какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичь,—а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни» ([36]). Шуваловъ приглашалъ Ломоносова къ своему столу, и иногда посылалъ къ нему на домъ кушанья и напитки, какъ видно изъ одного шуточнаго стихотворенія Ломоносова:

Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ,
За вина сладкія; я радъ, что не былъ квасъ; *и проч.*

Разсказываютъ, что на одинъ изъ шуваловскихъ обѣдовъ Ломоносовъ явился во французскомъ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами, какія тогда нашивали. Кто-то изъ гостей замѣтилъ, что стеклянныя пуговицы давно уже вышли изъ моды. Ломоносовъ съ обыкновенною своею горячностью и нѣкоторымъ педантствомъ, которое теперь кажется страннымъ, но тогда было въ большомъ ходу, сталъ возражать, что стеклянныя пуговицы лучше металлическихъ, что онъ не перестанетъ носить ихъ изъ уваженія къ стеклу, что сіе послѣднее гораздо лучше металловъ, приноситъ великую пользу и проч. Хозяинъ тотчасъ воспользовался случаемъ и попросилъ Ломоносова изложить все сказанное въ стихахъ ([37]). Такъ произошло извѣстное письмо о пользѣ стекла:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минералловъ, *и проч.*

(36) См. статью Свиньина: Потомки и современники Ломоносова, въ Библ. для Чтенія 1834 г. т. II. стр. 214.

(37) См. Москвит. 1843 № I, стр. 17—18.

Исчисливъ разнообразную пользу оптическихъ стеколъ, Ломоносовъ переходитъ къ любимому предмету своему, распространенію наукъ въ Россіи, къ покровительству, которое оказываетъ имъ Елизавета, и заключаетъ письмо слѣдующимъ обращеніемъ къ Шувалову:

А ты, о меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть...
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!...

Это писано въ 1752 году, въ концѣ котораго императрица со всѣмъ дворомъ снова переселилась на житье въ Москву, гдѣ и пробыла полтора года, до весны 1754 года. Шуваловъ, разумѣется, жилъ также въ Москвѣ ([38]).

Къ этому времени относится большая часть уцѣлѣвшихъ писемъ Ломоносова къ Шувалову. Изъ нихъ видно, что переписка шла очень дѣятельно, что Шуваловъ писалъ къ Ломоносову немедленно по пріѣздѣ въ Москву (отъ 28 Дек. 1752 г.), и торопилъ его составлять Россійскую Исторію, за которую Ломоносовъ въ то время и принялся. Но отъ исторіи постоянно отвлекали его занятія химіею, физикою и проч. Особенно занимали его тогда мозаичныя работы. Ему хотѣлось непремѣнно завести фабрику, чтобы въ большихъ размѣрахъ производить свои химическія розыскапія, и, конечно благодаря ходатайству Шувалова, дана ему была, высочайшимъ указомъ 14 Дек. 1752 г., 30-лѣтняя привиллегія на заведеніе фабрики для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру и стеклярусу. Въ Москвѣ Шуваловъ оказалъ Ломоносову еще другую услугу: онъ выпросилъ ему у государыни деревню въ 40 душъ, Коровалдай или Усть-рудицы, недалеко отъ Ораніенбаума ([39]). Извѣщая его объ этомъ,

(38) Тогда славился въ Москвѣ молодой проповѣдникъ Гедеонъ Криновскій, благодаря Шувалову, переведенный потомъ въ Петербургъ въ придворную церковь (см. Исторію Московской Академіи, соч. С. Смирнова, стр. 120). Вѣроятно черезъ Гедеона Шуваловъ узналъ еще въ Москвѣ будущаго митрополита Платона; онъ покровительствовалъ ему и намѣревался послать его въ Парижъ на свой счетъ, для усовершенствованія въ наукахъ (см. Снегирева, стр. 403).

(39) Любопытно было бы знать, кому именно принадлежитъ эта деревня, въ которой Ломоносовъ устроилъ свой бисерный заводъ, и въ которой проводилъ съ тѣхъ поръ большую часть времени. Не осталось ли тамъ слѣдовъ великаго дѣятеля? «Я выпросилъ у императрицы ему деревушку въ 40 душъ за Ораніенбаумомъ. Но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ» — разсказывалъ впослѣдствіи Шуваловъ. См. Записки Тимковскаго, стр. 61.

Шуваловъ предостерегаетъ, чтобъ достатокъ и обезпеченное состояніе не отвлекли его отъ наукъ. « Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю—отвѣчалъ Ломоносовъ—можетъ ли меня отвести отъ люблѣнія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла.» И въ самомъ дѣлѣ въ одно и тоже время Ломоносовъ приготовлялъ мозаическую картину Полтавскаго сраженія и такой же портретъ императрицы для московскаго университета, на что Шуваловъ отпускалъ ему деньги (40); занимался и электричествомъ, и русскою грамматикою; писалъ похвальное слово Петру Великому, собиралъ матеріалы для русской исторіи. Все это составляетъ главное содержаніе его писемъ къ Шувалову въ Москву; ссоры съ академиками, разумѣется, также были предметомъ переписки. Къ этому же времени относится и прекрасное письмо о смерти Рихмана; къ сожалѣнію неизвѣстно, успѣлъ ли Шуваловъ выхлопотать пенсію семейству убитаго громомъ профессора. Видно, что и Ломоносовъ оказывалъ своему покровителю нѣкоторыя услуги: такъ онъ собиралъ для него въ Петербургѣ примѣчанія къ академическимъ Вѣдомостямъ прежнихъ годовъ, которыя за чѣмъ-то понадобились Шувалову, и которыхъ онъ не могъ отыскать въ Москвѣ (41). Въ письмѣ отъ 31 Мая 1753 года читаемъ: « Въ домѣ вашего превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей еще долго устроить не уповаю, за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолоковъ, ни лѣсницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностью. Електрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ, какъ возможно. Я могу увѣрить ваше превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ здѣсь великая скудость: такъ что я для дѣла-

---

(40) Кончены ли были эти работы и гдѣ онѣ теперь, неизвѣстно. Въ московскомъ университетѣ сохранилась мозаическая работа Ломоносова, но не портретъ Елизаветы, а образъ Бога Саваоѳа, находящійся въ актовой залѣ. Что Шуваловъ давалъ Ломоносову деньги на покупку матеріаловъ для императрицына портрета, видно изъ неизданныхъ бумагъ его, которыя намъ случилось видѣть въ копіяхъ у академика Погодина. Тамъ между прочимъ находятся 5 весьма любопытныхъ писемъ Ломоносова къ И. И. Шувалову (въ періодъ времени отъ 1 Ноября 1753 г. по 17 Апрѣля 1760); изъ нихъ видно такъ же, что Ломоносову хотѣлось, чтобъ въ Академіи была учреждена и поручена ему должность вицепрезидента. Въ этихъ же бумагахъ находится краткая записка Ломоносова о нашемъ духовенствѣ.

(41) См. письмо отъ 3 Янв. 1754 г. изъ Усть-рудицъ.

нія себѣ электрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать.» *и проч.*

Домъ Шувалова, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, находился на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Садовой. Въ немъ впослѣдствіи давалъ онъ блестящіе балы. Императрица не разъ ѣзжала туда на обѣды и поздніе ужины ([42]). Онъ былъ совершенно отдѣланъ въ 1754 г. къ пріѣзду хозяина изъ Москвы, и 24 Октября Шуваловъ открылъ его для публики великолѣпнымъ маскерадомъ, который описанъ въ стихахъ Ломоносова:

Европа что родитъ, что протчи части свѣта,
Что осень, что зима, весна и кротость лѣта,
Что воздухъ и земля, что море и лѣса:
Все было у тебя, довольство и краса.
Вчера я видѣлъ все, и нынѣ вижу духомъ,
Музыку, громъ и трескъ еще внимаю слухомъ, *и проч.*

Въ то время былъ у насъ другой стихотворецъ, какъ теперь мы знаемъ, далеко во всемъ уступавшій Ломоносову, но тогда пользовавшійся общею извѣстностью и славою. Дворянское происхожденіе, родство и связи при дворѣ, острота и живость ума открывали ему доступъ въ лучшіе петербургскіе дома и даже во дворецъ. Мы говоримъ о Сумароковѣ, который также весьма часто посѣщалъ Шувалова. Иванъ Ивановичь любилъ сводить его съ Ломоносовымъ и слушать ихъ споры, не рѣдко слишкомъ запальчивые. Вотъ разсказъ о томъ самого Шувалова: « Отъ споровъ и криковъ о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опиралась иногда на приносимыя книги съ текстами. Въ спорахъ же, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, такъ что я бывалъ принужденъ высылать ихъ или обоихъ, или чаще Сумарокова.

(42) Такъ на пр. въ 1756 году государыня ужинала у Шувалова 21 Февраля и 27 Мая; 11 Сент. обѣдала; въ 1757 году 7 Февр. ужинала, 31 Іюля провела вечеръ на дачѣ его по петергофской дорогѣ; въ 1758 г. 24 Сент. обѣдала; въ 1759 г. 4 Генв. оставалась у него до 3-го часу по полуночи, 28 Янв. до 6-го часу утра, 17 Іюля ѣздила къ нему на дачу, 1 Нолбря, въ день его рожденія, пробыла у него въ домѣ до 5-го часу ночи, и проч.

Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ: « Не вѣрьте ему, ваше превосходительство, онъ все лжетъ; удивляюсь, какъ вы даете у себя мѣсто такому пьяницѣ, негодяю. — Самъ ты подлецъ, пьяница, неучъ, подъ школой учился, сцены твои краденыя! » — « Но иногда, замѣчаетъ Шуваловъ, мнѣ удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны » ([43]).

Примиреніе однако не легко удавалось. Свидѣтельствомъ служитъ слѣд. письмо Ломоносова къ своему меценату: « Никто въ жизни меня больше не изобидилъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть, какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, Который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчіе дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.—Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь о скоромъ исполненіи въ моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте » ([44]).

Вообще съ Ломоносовымъ иногда трудно было ладить. Разъ, раздосадованный его безпрестанными ссорами съ академиками, Шуваловъ сказалъ ему сердито: « Мы отставимъ тебя отъ Академіи. »

(43) См. Записки Тимковскаго, стр. 60.

(44) Письмо отъ 19 Генв. 1761 г., впервые обнародовано Погодинымъ въ Альманахѣ *Уранія*, 1826 года.

—«Нѣтъ, возразилъ тотъ, развѣ Академію отставите отъ меня». Конечно все это было неприятно Шувалову, особливо потому что, заступаясь за Ломоносова, онъ могъ входить въ столкновеніе съ непосредственнымъ начальникомъ Академіи, графомъ К. Г. Разумовскимъ, на котораго искусно дѣйствовалъ недоброжелатель Ломоносова Тепловъ. Но къ чести Шувалова надо сказать, что подобныя рѣчи его не раздражали, ибо онъ не только покровительствовалъ Ломоносову, но и глубоко уважалъ его (45).

Сношенія между ними не прерывались. Въ 1760 году Ломоносовъ окончилъ двѣ пѣсни поэмы «Петръ Великій», начатой по вызову Шувалова и для показанія императрицѣ (46). Сочинитель поднесъ ихъ своему меценату въ день его рожденія, 1 Ноября, съ предисловіемъ въ стихахъ:

Начало моего великаго труда
Прими, предстатель музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья...
И если въ полѣ семъ, прекрасномъ и широкомъ,
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ...

Ноября 1-го слѣдующаго 1761 года Ломоносовъ подарилъ Шувалова на день рожденія «*Разсужденіемъ о размноженіи и сохраненіи*

---

(45) Гораздо позднѣе, въ 1779 году, Шуваловъ писалъ къ Хераскову, по полученіи отъ него экземпляра Россіады: «Съ удовольствіемъ и съ жадностью прочиталъ я Россіяду. Чѣмъ васъ за нее благодарить? Препровождаю къ вамъ начало первой оды въ царствованіе Елизаветы, собственной руки Ломоносова. Этой драгоцѣнности приличнѣе всего быть въ вашихъ рукахъ. Я люблю музъ, а музы васъ любятъ.» См. Русское Чтеніе Глинки. ч. II, стр. 282. По всему вѣроятію, Глинка передалъ здѣсь письмо Шувалова собственными словами.—Выше приведенный отвѣтъ Ломоносова сообщенъ по преданію, въ 8 № Лит. Газеты 1830 года.

(46) См. Тимковскаго, стр. 60.

россійскаго народа». Разсужденіе изложено въ формѣ письма, и изъ начала его видно, что великій ученый намѣревался представить Шувалову (а можетъ быть и представилъ позднѣе) мысли и соображенія свои о важнѣйшихъ государственныхъ и народныхъ вопросахъ, какъ на пр. объ истребленіи праздности въ Россіи, о исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира, и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти вопросы обсуждались и въ частныхъ разговорахъ академика съ вельможею (47).

Но любимѣйшимъ предметомъ ихъ бесѣдъ конечно было распространеніе наукъ въ Россіи. Этимъ бесѣдамъ Россія обязана основаніемъ Московскаго университета, къ которому теперь и обратимся.

Мысль объ университетѣ въ Москвѣ принадлежала къ обширному плану народнаго просвѣщенія, который Шуваловымъ только отчасти приведенъ въ исполненіе. Сколько извѣстно, кромѣ университета, Шуваловъ считалъ нужнымъ, и впослѣдствіи даже предлагалъ правительству, учредить по главнымъ городамъ Россіи гимназіи, въ которыхъ преподавались бы первыя основанія наукъ и *нужные* европейскіе языки, а по маленькимъ городамъ завести школы для обученія русской грамотѣ, ариѳметикѣ и пр. (48). Эта мысль о распространеніи образованности во всѣ концы государства конечно занимала позднѣе и князя Потемкина, когда онъ собирался открывать университеты въ Екатеринославлѣ, Псковѣ и проч. Заведеніемъ народныхъ училищъ въ 1786 г. она осуществлялась отчасти, и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ приведена была въ исполненіе уже въ настоящемъ столѣтіи. Но Шувалову принадлежитъ честь начинателя. Онъ первый возымѣлъ счастливую мысль начать дѣло народнаго просвѣщенія съ сердца государства, съ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, ни Академія Наукъ, ни оба существовавшіе въ Петербургѣ Кадетскіе корпуса, Сухопутный (1732) и Морской (1752), не

---

(47) Упомянутое разсужденіе было напечатано нѣсколько разъ, но съ пропусками; всего же полнѣе въ Москвит. 1842 г. № I, стр. 126 — 143. Это лишь одно изъ 8 разсужденій, которыя Ломоносовъ называлъ *мыслями, простирающимися къ приращенію общей пользы.* Остальные 7, можетъ быть, хранятся въ бумагахъ Шувалова, если сіи послѣднія уцѣлѣли у его наслѣдниковъ.

(48) См. Исторію Моск. Университета, соч. пр. Шевыревымъ, стр. 34, и также Москвит. 1836, № 7, стр. 313, въ матеріалахъ для исторіи русскаго образованія.

могли удовлетворять требованіямъ времени уже по одному отдаленію столицы отъ внутреннихъ областей: принявъ къ соображенію тогдашніе пути сообщенія, легко представить, какъ тяжело было ѣздить въ Петербургъ. Къ тому же Академія Наукъ состояла преимущественно изъ иностранцевъ, и какъ ни боролся съ нею Ломоносовъ, мало приносила существенной пользы народному просвѣщенію; а оба корпуса были *шляхетные*, т. е. воспитывали только дѣтей изъ дворянскаго сословія. Надлежало воздвигнуть храмъ наукъ во первыхъ внутри Россіи, во вторыхъ для всѣхъ сословій.

Пребываніе въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дворомъ, въ теченіи полутора года (съ половины Декабря 1752 г. до половины Мая 1754 г.), по всей вѣроятности, побудило Шувалова ускорить исполненіемъ своего плана, а можетъ быть и самая мысль объ университетѣ пришла ему въ голову въ Москвѣ. Если не ошибаемся, были къ тому два главныя, ближайшія и настоятельныя побужденія. Съ одной стороны, безграмотность въ судахъ и дѣлопроизводствѣ, съ другой, полное отсутствіе необходимыхъ средствъ для обученія молодыхъ людей. О первомъ сохранилось множество свидѣтельствъ въ сатирическихъ произведеніяхъ тогдашней словесности, а проистекавшее отъ того зло громко высказано въ указахъ, которыми императрица Екатерина начинала свое царствованіе. Не менѣе свидѣтельствъ о недостаткѣ средствъ для обученія. Порошинъ разсказываетъ, что въ Москвѣ къ одному московскому дворянину нанялся въ учители какой-то Чухонецъ, выдававшій себя за Француза, и выучилъ всѣхъ дѣтей по чухонски (49). Для Пажескаго Корпуса Шуваловъ выписалъ изъ-за границы 8 человѣкъ Французовъ-лакеевъ; черезъ нѣсколько времени всѣ они разошлись учителями по частнымъ домамъ. Тогдашній французскій посланникъ при нашемъ дворѣ, Маркизъ де Лопиталь принужденъ былъ, для чести Франціи, высылать изъ Россіи толпы французскихъ бродягъ обоего пола, пріѣзжавшихъ обучать своему языку россійское юношество. (50) Все это зло Шуваловъ могъ видѣть во всей наготѣ его во время своего пребыванія въ Москвѣ, которая конечно можетъ почитать первую половину XVIII вѣка своею злополучнѣйшею годиною. Молодой царедворецъ, еще не достигшій 27 лѣтняго возраста, рѣшился воспользоваться своимъ высокимъ положе-

---

(49) См. Записки Порошина, стр. 256.

(50) См. Ист. Моск. Унив., стр. 38 и др. такъ же Тимков. стр. 62.

ніемъ и поспѣшилъ исполнить на дѣлѣ то, что въ бесѣдахъ и переппскѣ его съ Ломоносовымъ являлось въ видѣ смѣлаго плана или прекрасной мечты.

14 Мая, 1754 г., государыня, а за нею и Шуваловъ съ остальнымъ дворомъ, оставили Москву, и прежде чѣмъ переѣхать на житье въ Петербургъ, поселились въ Царскомъ Селѣ. Тутъ началась дѣятельная работа Шувалова. Онъ сочинялъ записку о необходимости завести въ Москвѣ университетъ и двѣ гимназіи, съ тѣмъ, чтобы въ видѣ доношенія представить ее Правительствующему Сенату; и написавъ ее вчернѣ, послалъ въ Петербургъ, на прочтеніе Ломоносову. Какъ обрадовался сей послѣдній, видно изъ отвѣтнаго его письма къ Шувалову. « Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ Правит. Сенату къ великой моей радости я увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ, и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ в. прев—у небезполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденіе, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради, ежели Московскій Университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ вами сочиненной.» Вслѣдъ за этимъ Ломоносовъ предлагаетъ свое мнѣніе о необходимости основать университетъ въ широкихъ размѣрахъ, учредить при немъ гимназію, и о числѣ профессоровъ. Касательно послѣдняго Шуваловъ вполнѣ принялъ списокъ, предложенный Ломоносовымъ, съ тою только разницею, что для преподаванія краснорѣчія и поэзіи, также исторіи и древностей назначено было только два профессора, тогда какъ Ломоносову хотѣлось, чтобы каждый изъ этихъ предметовъ былъ преподаваемъ особымъ лицомъ. Въ спискѣ Ломоносова профессоръ древностей преподаетъ также и критику: Шуваловъ отмѣнилъ сію послѣднюю и поставилъ на мѣсто ея геральдику, которой кажется онъ придавалъ особенное значеніе. (31) Надо думать, что самый про-

(31) См. Москов. Телегр 1825 г., № 18.

эктъ или планъ университета, помѣщенный въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, есть произведеніе столько же Шувалова, сколько и Ломоносова, что они сообща трудились надъ нимъ; но нѣтъ никакихъ основаній приписывать его одному Ломоносову, какъ вообще у насъ думаютъ. Мы знаемъ, что по этому предмету у нихъ происходили горячіе споры, подробности которыхъ къ сожалѣнію не сохранились. Извѣстно только главное, именно, что Ломоносову хотѣлось, чтобы новое учебное заведеніе учреждено было по образцу знаменитаго Лейденскаго Университета, *съ несовмѣстными*, какъ выражался Шуваловъ, *вольностями*. Разсуждали также о томъ, у Красныхъ ли воротъ, въ концѣ города, помѣстить университетъ, или въ центрѣ города, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназіи при университетѣ, или учредить ихъ отдѣльно (32). Въ короткое время все было рѣшено; ибо того же 1754 года, 19 Іюля, въ собраніи Правительствующаго Сената Шуваловъ читалъ свое донесеніе и проэктъ учрежденія въ Москвѣ университета. Тутъ было сказано, что «всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, что слѣд—о нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрасло въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе.» — Шуваловъ утверждалъ, что съ учрежденіемъ университета всѣ «недостатки въ ученіяхъ исправлены будутъ, и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, наче когда довольно будетъ *національныхъ* достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная ея имп. величества имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятій и ко учрежденію впредь по знатнымъ россійскимъ городамъ россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ во отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся.» Въ проэктѣ съ точностью изложены всѣ подробности учрежденія. Шуваловъ просилъ отъ правительства на университетъ и на двѣ гимназіи всего 10,000 рублей. Съ такими, даже и по тогдашней цѣнѣ денегъ, ничтожными средствами возникало учебное заведеніе, принесшее столько существенной пользы отечеству! Въ Сенатѣ, разумѣется, не встрѣтилось никакихъ затрудненій. Дѣло пошло обыкновеннымъ порядкомъ на вы-

---

(32) См. Тимковскаго, стр. 59—60.

сочайшее утвержденіе, и 12 Генваря, 1755 года, государыня подписала проэктъ Шувалова. Сказываютъ, что Шуваловъ нарочно выбралъ этотъ день для поднесенія государынѣ проэкта; 12 Генваря, на память св. великомученицы Татьяны, была имянинница мать его: онъ хотѣлъ обрадовать ее новымъ назначеніемъ своимъ въ должность куратора первaго русскаго университета.

24 Генваря выданъ былъ имянной указъ объ учрежденіи университета. Начались приготовленія: въ Москвѣ, у Воскресенскихъ воротъ, очистили бывшій домъ австеріи или трактирнаго заведенія, (нынѣ Губернское Правленіе); изъ Статсъ-конторы выданы деньги, 20,000 руб.; по указанію Ломоносова назначены двое первыхъ русскихъ профессоровъ, Поповскій и Барсовъ; за границу посланы, чрезъ посредство академика Миллера, письма къ иностраннымъ ученымъ съ приглашеніемъ занять профессорскія должности въ новомъ университетѣ. Наконецъ въ Москву поѣхалъ открывать заведеніе второй его кураторъ, старикъ д. ст. сов. Лаврентій Блументростъ. Открытіе послѣдовало 26 Апрѣля 1755 года, на другой день праздника коронаціи.

Замѣчательно, что Шуваловъ, названный въ имянномъ указѣ *изобрѣтателемъ этого полезнаго дѣла*, не ѣздилъ въ Москву и не видалъ университета до самаго 1778 года. Конечно его удерживали въ Петербургѣ придворныя обязанности и постоянное нездоровье государыни. Но это не помѣшало ему исполнять обязанностей куратора. Можно сказать, что до самой смерти Елизаветы Петровны, въ теченіи 7 лѣтъ, Шуваловъ былъ хозяиномъ новаго учрежденія въ полномъ смыслѣ слова. Во все это время онъ занимался университетомъ съ неусыпнымъ попеченіемъ. Переписка его съ Москвою приняла самые обширные размѣры. Ничто не происходило въ университетѣ и гимназіяхъ безъ его вѣдома: такъ называемые ассессоры университетской конференціи еженедѣльно посылали къ нему подробные отчеты, и безпрестанно получали отъ него разныя распоряженія: въ университетскомъ архивѣ сохранилась книга этихъ распоряженій или, какъ тогда называли, ордеровъ. Дѣло, за которое принялся Шуваловъ, представляло множество затрудненій. Не говоря уже о томъ, что онъ долженъ былъ заочно слѣдить за своимъ учрежденіемъ, вспомнимъ, какихъ трудовъ стоило ввести порядокъ въ преподаваніе, когда большая часть преподавателей были иностранцы, не знавшіе по русски, а поступавшіе въ университетъ

студенты едва ли имѣли познанія нынѣшнихъ школьниковъ изъ приходскихъ училищъ. Не рѣдко бывало такъ, что Нѣмецъ-профессоръ читалъ лекцію, а кто нибудь изъ студентовъ, знавшій по нѣмецки, переводилъ слова его на русскій языкъ, для своихъ товарищей. Вспомнимъ признаніе одного изъ первыхъ студентовъ университета, Фонъ-Визина: онъ чистосердечно разсказываетъ, что на экзаменахъ изъ латинскаго языка ученики не знали ни склоненій, ни спряженій, и отвѣчали на вопросы, смотря по тому, за какую пуговицу своего платья брался профессоръ. Ректоръ, учителя, профессоры и чиновники конференціи безпрестанно ссорились, и Шуваловъ долженъ былъ разбирать ихъ неудовольствія. Часть хозяйственная представляла, можетъ быть, еще болѣе безпорядковъ. На другой же годъ по основаніи университета расхищены были скудныя суммы, опредѣленныя на его содержаніе и нѣсколько увеличенныя щедростью тогдашняго благотворителя Демидова: концы были спрятаны, и взыскивать было не съ кого, потому что директоръ университета, Аргамаковъ—умеръ. Денегъ безпрестанно не доставало; завели странный обычай—отдавать ихъ взаймы подъ проценты частнымъ лицамъ, которые иногда оказывались несостоятельными должниками: университетъ заводилъ тяжбы. Между тѣмъ казенные воспитанники въ гимназіяхъ терпѣли нужду. Все это очень озабочивало Шувалова, къ которому приходило изъ Москвы много жалобъ. Приведемъ здѣсь для образца отрывки изъ ордеровъ его по этому предмету къ директору университета, Мелессино. «Я съ великимъ сожалѣніемъ увидѣлъ изъ присланнаго вами отъ 9 Октября (1757) репорта, что бѣдные ученики столь много претерпѣваютъ нужды, и я о томъ уже къ вашему высокородію писалъ, чтобы сдѣлать распоряженіе, сколько надлежитъ для каждаго ученика въ годъ платья и обуви; ибо вы сами, очевидно нужды ихъ видя, свободнѣе расположить можете, и мнѣ прислать на разсмотрѣніе.» Въ ордерѣ отъ 3 Ноября Шуваловъ настаивалъ на томъ же: «Я слышалъ, что не токмо разночинцы, но и благородные ученики (какъ сказываютъ, къ сожалѣнію достойно) великую нужду терпятъ въ платьѣ, обуви и пищи. Избѣгая такихъ отъ постороннихъ нареканій, изволите потрудиться сдѣлать для всѣхъ учениковъ, какъ благородныхъ, такъ и разночинцевъ, смѣту во всемъ вышеписанномъ содержаніи, не выключая самой малѣйшей къ ихъ нуждамъ принадлежащей мелочи, и что̀ для издержки на нихъ будетъ годовой всей суммы, прислать ко мнѣ на разсмотрѣніе.»—Есть из-

вѣстіе, что онъ посылалъ въ университетъ собственныя деньги и, чтобъ обезпечить хозяйственную часть, хлопоталъ о пожалованіи университету деревни.

Но постояннымъ и самымъ любимымъ предметомъ заботъ Шувалова было преподаваніе наукъ въ университетѣ и гимназіяхъ и распространеніе умственной отъ того пользы. Тутъ онъ вникалъ во всѣ подробности и трудился неутомимо. Онъ велъ дѣятельную переписку съ иностранными учеными, приглашая ихъ въ Россію для занятія профессорскихъ каѳедръ въ Москвѣ: такъ приглашены были профессора, Ростъ изъ Геттингена, Дильтей изъ Вѣны, Рейхель и Келлнеръ, ученики знаменитаго въ то время Готшеда, изъ Лейпцига; Шаденъ, будущій наставникъ Карамзина, изъ Тюбингена и проч. Молодыхъ русскихъ людей, окончившихъ ученіе въ университетѣ, онъ посылалъ для усовершенствованія за границу: такъ на пр. студенты Зыбелинъ и Веніаминовъ отправлены были въ Кенигсбергъ, въ то время занятый русскими войсками; Третьяковъ и Десницкій въ Шотландію, въ Глазговскій университетъ· всѣ четверо заняли впослѣдствіи профессорскія каѳедры въ Москвѣ. Шуваловъ старался исподоволь приготовлять для университета русскихъ профессоровъ, и вообще мысль о томъ, чтобы преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, не покидала его; онъ твердо былъ убѣжденъ, что только при этомъ условіи достигалась главная цѣль—успѣшное распространеніе знаній.—Для достиженія этой же цѣли Шуваловъ особенно заботился объ университетской типографіи, которая, если не ошибаемся, была вторая въ Россіи, по времени, изъ гражданскихъ типографій. Мысль объ изданіи Московскихъ Вѣдомостей также принадлежитъ Шувалову. Для нихъ онъ присылалъ нарочно иностранныя книги и газеты, выписывалъ буквы изъ Англіи, хлопоталъ о заведеніи книжной лавки. Заботливость его простиралась до того, что онъ самъ просматривалъ корректурные листы, которые посылались къ нему на первыхъ порахъ учрежденія типографіи ([55]).

Нужно ли прибавлять, что вся эта обширная дѣятельность носитъ характеръ необыкновенной снисходительности и доброжелательства? Мягкій нравъ Шувалова никогда не измѣнялся. Онъ дѣйствовалъ не столько властью, сколько постоянствомъ и неутомимостью, держась любимой своей поговорки: *тихонько, мало по малу*. Одинъ толь-

(55) См. подробности въ исторіи Моск. Унив-та.

ко разъ видимъ примѣръ строгости: студенты, записанные на службу, не занимались ученіемъ, не ходили на лекціи и въ тоже время не хотѣли служить, отзываясь лекціями. Шуваловъ потребовалъ себѣ списка ихъ и грозилъ разослать ихъ по мѣстамъ службы. Но и тутъ неизвѣстно, исполнилъ ли онъ эту угрозу. Вообще его больше любили, нежели боялись. Конечно бывали отъ того дурныя послѣдствія, но его выручало высокое положеніе при дворѣ: трудно было не слушаться человѣка, покровительствомъ котораго дорожили первые люди въ государствѣ.

Однимъ словомъ, Шувалову принадлежитъ не столько слава основателя московскаго университета (ибо эту славу онъ раздѣляетъ отчасти съ Ломоносовымъ), сколько слава истиннаго его попечителя. Исторія университета, написанная къ столѣтнему его юбилею С. П. Шевыревымъ, вполнѣ раскрываетъ намъ благотворную его дѣятельность и убѣждаетъ въ той мысли, что безъ Шувалова московскій университетъ не могъ бы существовать. Семь лѣтъ постояннаго и дѣятельнаго надзора были такъ полезны, что впослѣдствіи, когда Шуваловъ уѣхалъ за границу, учрежденіе уже не остановилось на пути преуспѣянія.

За то университетъ постоянно питалъ къ своему куратору чувство особенной признательности, которая была выражена въ самый день открытія его: устроенная по этому случаю иллюминація представляла Парнассъ, на которомъ Минерва ставила обелискъ въ честь императрицы Елизаветы Петровны; обелискъ окружало множество дѣтей, занимавшихся ученіемъ, и одинъ изъ нихъ чертилъ имя Шувалова. Дни рожденія и имянинъ Шувалова, 1-е и 12-е Ноября, праздновались въ университетѣ: за него молились въ эти дни въ церкви. Было намѣреніе, отклоненное конечно самимъ Шуваловымъ, поставить на дворѣ университетскомъ колоссальную статую его на глыбѣ темнаго гранита. (54) Личное обращеніе куратора съ пріѣзжавшими въ Петербургъ воспитанниками университета внушало къ нему уваженіе и привязанность. Онъ нарочно выписывалъ иногда къ себѣ изъ Москвы студентовъ и гимназистовъ, и, какъ извѣстно, въ

(54) См. Записки Тимковскаго, Москв. 1851, № 9 и 10, стр. 5. «Хорошо и достойно Москвы—прибавляетъ Тимковскій—когда онъ въ лицѣ изваликомъ, объ руку съ геніемъ, предстанетъ взорамъ, и указывая на учрежденіе свое, скажетъ ему: Tua dona ferentes. Тысяча голосовъ, отъ всѣхъ странъ Россіи, могутъ тоже сказать Шувалову»

числѣ сихъ послѣднихъ были Потемкинъ и Ф. Визинъ. (33) Вообще, до самой кончины Шувалова, всякій, принадлежавшій къ университету, могъ разсчитывать на покровительство его, пользовался въ его домѣ гостепріимствомъ и назывался своимъ.

Чтобы оцѣнить вполнѣ заслуги Шувалова русскому просвѣщенію, любопытно было бы сравнить его дѣятельность и труды по управленію московскимъ университетомъ съ дѣятельностью другаго, тоже взысканнаго счастіемъ царедворца, тоже молодаго человѣка, которому ввѣрено было управленіе высшимъ ученымъ заведеніемъ государства — графа К. Г. Разумовскаго, президента императорской академіи наукъ. Вообще же вспоминая прошедшее, убѣждаемся, что только горячая любовь къ просвѣщенію и истинное желаніе принести пользу отечеству могли заставить заниматься университетомъ и всѣми частностями его управленія, человѣка, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, имѣвшаго столь важное значеніе при дворѣ Елизаветы, гдѣ такъ много было всякаго рода развлеченій и удовольствій.

Болѣе подробное изложеніе трудовъ Шувалова по управленію московскимъ университетомъ читатели найдутъ въ названной выше книгѣ С. П. Шевырева. Мы упомянемъ еще только о томъ, что университетъ скоро началъ приносить общественную пользу: въ 1758 году изъ него возникла казанская гимназія, а за годъ передъ тѣмъ, въ 1757 г., академія художествъ. Та и другая были вполнѣ дѣломъ Шувалова, и основаны, какъ сказано въ указахъ, по донесеніямъ о необходимости ихъ, поступившимъ въ Правительствующій Сенатъ изъ московскаго университета.

Весьма любопытенъ указъ объ учрежденіи академіи художествъ, Ноября 6-го 1757 г. Въ немъ такъ выражена необходимость этой академіи: «Необходимо должно установить Академію Художествъ, которой плоды, когда приведутся въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго званія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя

(33) Сочиненія Ф. Визина изд. 1830. ч. III. стр. 90—91. «Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ у меня: чему я учился? «По латынѣ», отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латынскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ.»

по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что̀ дѣлать... Сія академія будетъ учреждена здѣсь въ С. Петербургѣ, по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни. Для чего онъ дѣйств. камергеръ и кавалеръ и онаго университета кураторъ, надѣясь на милостивое уваженіе сей пользы Правител. Сената, съ однимъ живописцемъ Клеро и рѣзчикомъ Жилстомъ (оба Французской Академіи члены) контрактъ заключитъ. На содержаніе учителей и учениковъ, такъ и для нанятаго дома, потребно на первые годы 6000 рублей» (56).

Академія возникла изъ учениковъ, которые, по распоряженію Шувалова, нарочно готовились для художествъ въ московской гимназіи. Подробностей объ учрежденіи академіи мы не имѣемъ. Знаемъ только, что она находилась въ вѣдѣніи Шувалова до самаго 1763 года. Впослѣдствіи Шуваловъ постоянно оказывалъ покровительство свое воспитанникамъ ея, первымъ русскимъ художникамъ, архитекторамъ Баженову и Старову; живописцамъ и скульпторамъ, Шубину, Скородумову, Лосенкову, Рокотову, Самотоцкому и пр. (57). Настоящимъ же устроеніемъ своимъ академія художествъ обязана императрицѣ Екатеринѣ II, которая въ 1763 году совершенно преобразовала ее, и попеченіямъ И. И. Бецкаго; но честь перваго основанія принадлежитъ Шувалову. — Племянникъ его, кн. Ѳ. Н. Голицынъ разсказываетъ, что онъ старался поддерживать дружественныя сношенія между Россіею и Франціею, между прочимъ чтобы свободнѣе приглашать изъ Парижа художниковъ для академіи, что̀ по всему вѣроятію, и вовлекло его въ сношенія съ французскими писателями. Отъ этихъ сношеній сохранились переписка его съ Гельвеціемъ и письма къ нему Вольтера.

Извѣстный философъ Гельвецій (1715—1771), служившій при дворѣ королевы Маріи Лещинской, особенно славился въ то время своею книгою *Объ умѣ*, которая произвела много шуму: Готшедъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ; немедленно появились переводы англійскій и итальянскій; сорбонская академія и папа предали ее проклятію. Въ Петербургѣ много толковали о ней, какъ извѣщалъ о томъ автора

(56) Полное Собраніе Законовъ.

(57) Снегиревъ (стр. 440.) говоритъ, что Шуваловъ самъ вырѣзывалъ на мѣди свой портретъ.

французскій посланникъ при нашемъ дворѣ. Шуваловъ раздѣлялъ общее увлеченіе и завелъ съ Гельвеціемъ, жившимъ тогда въ деревнѣ своей Вор́е, переписку, любопытную во многихъ отношеніяхъ.

«Вы пріобрѣли столь справедливо всеобщее уваженіе — писалъ Шуваловъ къ Гельвецію — что не должны удивляться, получая изъ странъ самыхъ отдаленныхъ знаки заслуженнаго вами почтенія. Вашъ превосходный геній, производя въ другихъ впечатлѣнія, кажется, хочетъ раздѣлить съ нами тѣ преимущества, которыми природа васъ одарила. Развивая ваши познанія, она также развернула и наши. Вы стяжали право, м. г., на всеобщую признательность. Я не имѣю чести быть знакомъ съ вами; но почиталъ бы себя неблагодарнымъ, если бъ, прочитавъ ваше безсмертное сочиненіе *Объ умѣ*, не благодарилъ знаменитаго сочинителя, какъ своего наставника, за ту пользу, которую извлекъ я изъ онаго. Я призналъ бы себя счастливымъ, когда бы мое уваженіе къ вашимъ познаніямъ предупредило васъ въ пользу народа, къ несчастію, прослывшаго у многихъ варварскимъ. Самое сильное доказательство, м. г., вашихъ благопріятныхъ для меня мыслей было бы доставленіе мнѣ случая, хотя нѣсколько быть для васъ полезнымъ въ моемъ отечествѣ, и тѣмъ доказать отличное къ вамъ почтеніе, съ коимъ и проч.»

Въ Вѣстникѣ Европы (1826, № 7), откуда мы заимствуемъ это и слѣдующія письма, прибавлено отъ редактора: «Послѣдствія показали, что къ людямъ, каковъ Гельвецій, не слѣдовало имѣть ни довѣренности, ни вниманія.» До какой степени справедливъ этотъ приговоръ, предоставляемъ рѣшить другимъ; намъ кажется, что нельзя обвинять Шувалова за такое уваженіе къ знаменитому философу и его собратіямъ, которые были, или по крайней мѣрѣ казались, передовыми людьми вѣка. Стоитъ вспомнить, что нѣсколько лѣтъ спустя, одного изъ нихъ императрица Екатерина приглашала въ наставники къ своему сыну.

Въ то время, когда слава русскаго оружія гремѣла въ Европѣ, когда войска наши завоевали всю восточную Пруссію, одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ первымъ полководцемъ вѣка, особенно лестно было получить такое предупредительное письмо изъ дворца Елизаветы, отъ перваго русскаго вельможи. Послушаемъ, что̀ отвѣчалъ Гельвецій Шувалову, котораго онъ, по незнанію, называетъ предсѣдателемъ С. петербургской академіи.

« Не останавливаясь, м. г., на лестныхъ для моего самолюбія

выраженіяхъ въ письмѣ вашемъ, я поздравляю васъ, поздравляю вашихъ соотечественниковъ съ тою просвѣщенною ревностью, которую вы оказываете къ успѣхамъ наукъ и дарованій. Есть люди, которыхъ Небо производитъ для возвышенія духа и характера народнаго и для основанія будущей его славы. Царь началъ то, что вы теперь довершаете. И такъ, чтобы привести въ движеніе цѣлую массу великаго народа, надобно многимъ великимъ мужамъ послѣдовать однимъ за другими. Государь безъ сомнѣнія имѣетъ болѣе средствъ возбудить соревнованіе, нежели вельможа самый могущественный. Но превосходный умъ въ такомъ человѣкѣ, какъ вы, дополняетъ недостатокъ въ средствахъ. Вы соединяете въ себѣ всѣ дары судьбы, раздѣляя со множествомъ другихъ вельможъ преимущества происхожденія, почестей и богатствъ; одна только любовь къ славѣ можетъ васъ отъ нихъ отличить. Вотъ одно благо, котораго вамъ желать остается: оно есть достойнѣйшая награда души возвышенной; потому что сія награда всегда бываетъ залогомъ всеобщей признательности. Слава многихъ могущественнѣйшихъ народовъ погребена подъ развалинами ихъ столицъ. Можетъ статься, русскій Римъ будетъ вамъ обязанъ своимъ существованіемъ и тогда, когда время разрушитъ его могущество. Еслибъ Греки только покорили Азію, имя ихъ было бы теперь забытымъ. Данью нашего удивленія и признательности къ нимъ они обязаны памятникамъ, которые воздвигали наукамъ и искусствамъ. Мы еще раздѣляемъ почести, воздаиныя изящными геніями Рима благотворительности Мецената и Августа. Ей-то одолжены мы безсмертными твореніями Горація и Виргилія. По слѣдамъ ихъ пойдете вы, ободряя въ своемъ отечествѣ ученыхъ. Да не остановитъ генія въ его полетѣ суевѣріе! Что опаснаго въ наукахъ? Самыя заблужденія не рѣдко извлекали свѣтъ изъ нѣдръ мрака. Однѣ заблужденія, освящаемыя суевѣріемъ, посѣвали раздоры и крамолы.

Изъ письма, которымъ ваше превосходительство меня удостоили, я замѣтилъ, что вы нѣсколько сомнѣваетесь въ успѣхѣ своихъ стараній; и это сомнѣніе, можетъ быть, основывается на трудности даровать нѣкоторую свободу вашимъ писателямъ. Она необходима. Съ ногами скованными не ходятъ скоро, но пресмыкаются.

Деньгами не всегда можно произвести великихъ людей въ наукахъ и искусствахъ. Часто въ изобиліи цѣпенѣетъ геній; богачь гаситъ въ наслажденіяхъ любовь къ славѣ. Ученыя заслуги должно

награждать почестями и отличіями. Тщеславіе, обращенное въ средство, приводитъ въ дѣйствіе пружины ума; приманка корысти унижаетъ его до подлости. Заслужилъ ли бы Аполлонъ славу и похвалы поэтовъ, еслибъ онъ былъ только божествомъ, и не сходилъ къ Адмету пасти стада и пѣть въ ликѣ музъ?...

Почести въ рукахъ государей походятъ на талисманы, которые въ нашихъ сказкахъ Феи дарили своимъ любимцамъ. Сіи талисманы теряли свою силу, когда изъ нихъ дѣлали дурное употребленіе.

Еще средство есть тѣснѣе связать русскихъ ученыхъ съ другими просвѣщенными мужами въ Европѣ и возбудить въ нихъ соревнованіе, по примѣру Людовика XIV дѣлая иностранцевъ участниками въ почестяхъ, какія вы предоставляете своимъ соотечественникамъ. Русскій, во Франціи будучи товарищемъ Вольтера, въ Англіи сочленомъ Гюма, полюбопытствуетъ читать ихъ творенія и вскорѣ самъ захочетъ сочинять подобныя. Такимъ-то образомъ распространяется просвѣщеніе и воспламеняется соревнованіе.

Вы видите, ваше превосходительство, что живѣйшее участіе, принимаемое вами въ наукахъ, искусствахъ и вообще въ успѣхахъ ума человѣческаго, перешло и въ мою душу, заставивъ меня говорить объ истинахъ, вамъ не безызвѣстныхъ; но послѣдняя, въ которой я бы искренно желалъ васъ убѣдить, — это есть уваженіе и глубокое почитаніе, съ коимъ и проч.»

Мы привели письмо это вполнѣ, думая, что читателямъ любопытно узнать, какія наставленія за сто лѣтъ тому назадъ европейскій философъ преподавалъ русскому вельможѣ-меценату. Послѣднее средство, предлагаемое имъ для распространенія въ Россіи просвѣщенія и бывшее нѣсколько позднѣе въ большомъ ходу, даетъ поводъ догадываться о честолюбіи Гельвеція; можетъ быть онъ отвѣчалъ этимъ на предупредительный вызовъ Шувалова быть для него полезнымъ. Но Шуваловъ видно не могъ или не хотѣлъ доставить ему почестей отъ нашего двора и, кажется, притворился недогадливымъ. Это видно изъ окончанія слѣдующаго, весьма любопытнаго письма его, которое онъ послалъ въ отвѣтъ къ Гельвецію.

« Я получилъ письмо, которымъ вы меня почтили: моя признательность равняется моему къ вамъ уваженію; я былъ бы имъ еще болѣе доволенъ, еслибъ не нашелъ въ немъ похвалъ, не заслуженныхъ мною. Можетъ быть, м. г., кто нибудь, мало меня знающій, представилъ вамъ меня совсѣмъ въ другомъ видѣ; можетъ быть,

почиталъ онъ меня сильнѣе и способнѣе къ совершенію того, чего вы отъ меня ожидаете. Я хочу вамъ изобразить себя въ настоящемъ видѣ, и сперва дать вамъ понятіе о состояніи нашего государства въ отношеніи къ наукамъ и искусствамъ. Петръ I, сотворивъ или преобразовавши все, не имѣлъ послѣ смерти своей последователей въ большей части своихъ предначертаній и мудрыхъ заведеній. Науки и искусства въ государствѣ нашемъ получили свое начало со временъ сего великаго мужа: мы имѣли искусныхъ людей во всѣхъ родахъ. Художники, учившіеся въ Италіи, могли стать на ряду съ хорошими мастерами и дѣлали честь нашему отечеству. Невниманіе къ ихъ талантамъ и небреженіе о воспитаніи новыхъ художниковъ подавили ростокъ того, что прозябло, уничтоживъ столь лестныя ожиданія. Въ послѣдствіи времени первыя мѣста въ государствѣ были заняты иностранцами, которые оставались въ совершенномъ бездѣйствіи касательно сего предмета,—вѣроятно отъ того, что не радѣли о распространеніи наукъ и искусствъ въ странѣ, имъ чуждой, или потому, что ихъ намѣренія не позволяли имъ мыслить и дѣйствовать съ ревностью патріотовъ. Такая небрежность о просвѣщеніи юношества (исключая военную школу, или *кадетскій корпусъ*, основанный въ 1750 году для шести сотъ дворянъ и приготовившій столько хорошихъ офицеровъ) нѣкоторымъ образомъ остановила успѣхи просвѣщенія. Вотъ почему благородная ревность къ ученію совершенно была погашена во многихъ изъ моихъ соотечественниковъ. Столь непріятный для насъ промежутокъ далъ поводъ нѣкоторымъ иностранцамъ несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить такихъ людей, какими бы они должны быть: сей предразсудокъ можетъ истребиться однимъ временемъ. Ея императорское величество, слѣдуя по стопамъ великаго Петра, основала московскій университетъ и академію въ С. Петербургѣ, надъ коими я имѣю честь быть начальникомъ. Вотъ, м. г., двѣ только части, въ которыхъ бы я могъ быть полезнымъ своему отечеству, еслибъ мои познанія соотвѣтствовали моей ревности. Я чувствую себя ободреннымъ вашими совѣтами: еще болѣе буду ободренъ, если вы станете ихъ продолжать. Ваше письмо есть для меня собраніе наставленій; не умѣю выразить, сколь лестна для меня честь и польза вашего знакомства, и еще многихъ другихъ ученыхъ, въ особенности г-на Вольтера, который не перестаетъ изъявлять мнѣ знаки своей дружбы! Какъ бы я почиталъ себя

счастливымъ, м. г., еслибъ могъ заслужить ваше уваженіе! Ободреніе такого человѣка, какъ вы, для меня гораздо драгоцѣннѣе, нежели то, что получаемъ мы отъ прихотей счастія. Я постараюсь употреблять въ пользу ваши мудрые совѣты. Для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно ваше знакомство; вы же ничего не извлечете изъ моего, кромѣ беспредѣльной признательности и почтенія, съ коими и проч. С. Петербургъ 27 Іюля 1761 года.»

Этимъ, кажется, и заключилась переписка. Сухой умъ Гельвеція и его, если не ошибаемся, нѣсколько педантическій характеръ, видно не пришлись Шувалову по сердцу.

Иное дѣло было съ Вольтеромъ, который умѣлъ въ теченіи долгаго времени занимать Шувалова своими письмами. Ихъ сношенія шли дѣятельно и непрерывно. Шуваловъ принадлежалъ къ числу почитателей знаменитаго фернейскаго отшельника: даже въ послѣдніе годы своей жизни, когда время, обстоятельства и болѣе близкое знакомство съ личностью Вольтера, значительно умалили это почитаніе, онъ не переставалъ цѣнить его блистательный талантъ и не рѣдко зачитывался надъ его сочиненіями. Тимковскій въ запискахъ своихъ разсказываетъ, что однажды (это было въ царствованіе Павла Петровича) онъ вошелъ въ кабинетъ Шувалова и засталъ его за чтеніемъ. «Вотъ какъ не люблю его, бестію, сказалъ Шуваловъ, положа книгу, а пріятно пишетъ.» Тимковскій подошелъ взглянуть на книгу и увидѣлъ: *Essai sur les mœurs* etc. ([58]). Съ другой стороны и Вольтеру очень пріятно было находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ Шуваловымъ. Тогда шла семилѣтняя война, и вниманіе Европы устремлено было на Россію, въ рукахъ которой находился жребій Пруссіи. Испытавъ около этого времени неудачу при дворѣ Станислава Лещинскаго, Вольтеръ съ свойственною ему пылкостію спѣшилъ войдти въ новыя связи съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ. Такимъ образомъ обѣ стороны готовы были на всякаго рода изъявленія, и переписка завязалась очень скоро. Къ сожалѣнію отъ нея сохранились только письма Вольтера, отвѣтныхъ же писемъ Шувалова мы не имѣемъ: они хранятся, можетъ быть, у наслѣдниковъ Вольтера, если не совсѣмъ пропали. За то Шуваловъ очень цѣнилъ и берегъ письма философа; уѣзжая за границу, онъ нарочно просилъ сестру свою переслать къ нему *письма Волтеровы и прочихъ ученыхъ людей*; въ 1797

---

(58) Зап. Тим. стр. 62.

году, ихъ видали у него въ кабинетѣ переплетенными въ особую книгу, in-4°, (59) и еще при жизни Шувалова, эти письма, а вѣроятнѣе часть ихъ, были напечатаны въ сочиненіяхъ Вольтера (изданіе 1792 года). Но и Вольтеровы письма къ Шувалову сохранились не всѣ; самое полное собраніе ихъ, по свидѣтельству извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго, которому считаемъ долгомъ изъявить признательность за нѣкоторыя указанія въ настоящемъ трудѣ, находится въ изданіи Вольтеровыхъ сочиненій извѣстнаго бельгійскаго библіографа *Бёшо* (Beuchot, 72 тома in-8°, 1829—1841).

Вольтеру давно хотѣлось войти въ ближайшія сношенія съ кѣмъ нибудь изъ значительныхъ лицъ при русскомъ дворѣ. Въ своей исторіи Карла XII, изданной въ 1731 году, онъ долженъ былъ часто касаться Россіи: лице Петра Великаго занимало его воображеніе, и онъ тогда же имѣлъ намѣреніе написать его исторію. Для этой цѣли онъ записывалъ разсказы бывшаго польскаго короля, Станислава Лещинскаго и другихъ лицъ, находившихся по чему либо въ сношеніяхъ съ Россіею, читалъ о ней книги, доставалъ записки. Но хорошо зная, что для настоящей исторіи мало имѣть подъ руками одни иностранные источники, и невозможно полагаться на разнаго рода записки, памфлеты, безыменныя брошюры о Россіи, какія тогда уже появлялись во множествѣ, онъ еще въ 1737 году посылалъ къ Фридриху II, бывшему тогда наслѣднымъ принцемъ, нѣсколько запросовъ, съ тѣмъ, чтобы получить на нихъ отвѣты изъ Россіи черезъ одного прусскаго агента, жившаго въ Петербургѣ. Позднѣе, около 1745 года, Вольтеръ обратился къ французскому послу при нашемъ дворѣ, графу Даліону, съ просьбою доставить ему званіе члена С. петербургской академіи наукъ и доложить русской императрицѣ о его глубокомъ уваженіи къ ея отцу и о намѣреніи написать его исторію, для которой онъ нуждается въ достовѣрныхъ матеріалахъ. Эта попытка, кажется, также не удалась. Однако въ 1748 году, Вольтеръ напечаталъ особою книжкою *Анекдоты о царѣ Петрѣ Великомъ*.

Все это конечно было извѣстно И. И. Шувалову, который и рѣшился воспользоваться столь ревностнымъ желаніемъ Вольтера быть русскимъ исторіографомъ. По всей вѣроятности Шуваловъ доложилъ государынѣ, что русское правительство весьма много вы-

---

(59) Тамъ же и Москвит. 1843, № 10, стр. 31.



играетъ въ общественномъ мнѣніи, когда лучшій писатель, любимецъ коронованныхъ главъ, славный на всѣхъ концахъ Европы, передастъ свѣту подвиги ея родителя, которыми сама она такъ гордилась. Это особенно было нужно въ то время, ибо у насъ начиналась война съ Пруссіею; заносчивые отзывы Фридриха II объ Елизаветѣ Петровнѣ разнеслись тогда по всей Европѣ. Можетъ быть по этому поводу и вспомнили у насъ о давнишнемъ предложеніи Вольтера. Вообще написанная имъ исторія Петра Великаго должна была служить опроверженіемъ всякаго рода пасквилей на Россію, которыми издавна изобилуютъ европейскія литературы. Получивъ согласіе государыни, Шуваловъ принялъ на себя трудъ доставлять Вольтеру нужныя свѣдѣнія и матеріалы и увѣдомилъ его объ этомъ черезъ русскаго посланника при французскомъ дворѣ, графа М. П. Бестужева-Рюмина. Для удобства въ занятіяхъ, Бестужеву приказано было пригласить Вольтера на житье въ Петербургъ; но понятно, что фернейскому философу не захотѣлось промѣнять свой теплый швейцарскій уголокъ на петербургскіе туманы и болоты. Онъ отозвался на лестное предложеніе старостью (ему было тогда 63 года), и потому рѣшили, чтобъ Шуваловъ посылалъ къ нему матеріалы въ мѣсто его жительства.

Вольтеръ принялся за дѣло съ обыкновенною своею энергіею и горячностію. Получивъ приглашеніе писать исторію въ Февралѣ 1757 года, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Августѣ, уже посылаетъ къ Шувалову 8 главъ своего труда. Это былъ небольшой очеркъ, составленный по иноземнымъ источникамъ. Онъ нарочно написалъ его для того, чтобы Шуваловъ указалъ ему ошибки, дополнилъ и исправилъ. Такимъ образомъ съ самаго начала переписки Вольтеръ отыскалъ поводъ наговорить Шувалову множество любезностей, въ которыхъ по преимуществу и состоятъ всѣ его письма. Такъ онъ величаетъ его архитекторомъ зданія, воздвигаемаго во славу Петра Великаго и его дочери, а себѣ предоставляетъ честь занимать при этомъ должность каменщика, проситъ, чтобы Шуваловъ изъ дворца Елизаветы диктовалъ ему исторію Петра Великаго, называетъ себя секретаремъ его, однимъ словомъ щедро расточаетъ передъ нимъ свое необыкновенное искусство лести, которою такъ дорожили въ то время. Къ Шувалову можно примѣнить слова Пушкина о Кн. Юсуповѣ, по поводу сношеній съ Вольтеромъ:

Ты лесть его вкусилъ земныхъ боговъ напитокъ,

Однако Вольтеръ, по крайней мѣрѣ сначала, не совсѣмъ былъ доволенъ новымъ своимъ корреспондентомъ. Онъ принужденъ былъ въ каждомъ письмѣ, и почти цѣлый годъ, повторять свои просьбы о присылкѣ матеріаловъ для исторіи и вообще разнаго рода свѣдѣній. Чтобы ускорить доставленіе сихъ послѣднихъ, онъ приводитъ всѣ возможные доводы, и между прочимъ настаиваетъ на той мысли, что одною изъ существенныхъ силъ государства всегда было доброе мнѣніе, распространенное о немъ между другими народами (60).

Шуваловъ не могъ скоро удовлетворить желанію Вольтера, и по весьма простой причинѣ. Прошло еще очень не много времени со смерти Петра Великаго; вскрывать государственные архивы и допустить къ нимъ иностранца было еще слишкомъ рано, собираніемъ же общедоступныхъ матеріаловъ тогда никто не занимался. Надо было отыскивать ихъ; но и тутъ требовалось много времени на переводы ихъ съ русскаго языка на французскій. Пока приготовлялись эти переводы, Шуваловъ долженъ былъ ограничиться просмотромъ тетрадей Вольтера: онъ сдѣлалъ къ нимъ свои замѣтки, дополненія и показалъ ошибки иностранныхъ источниковъ. Вольтеръ немедленно воспользовался этимъ и прислалъ новую черновую тетрадь съ новыми запросами, на которые Шуваловъ не замедлилъ отвѣтомъ. Но не прежде 1759 года онъ могъ послать Вольтеру настоящіе матеріалы, которые, сколько извѣстно, на первый разъ состояли изъ журнала Петра Великаго, похвальнаго слова ему Ломоносова, краткаго изложенія камчатской исторіи, сдѣланнаго по вышедшему тогда сочиненію Крашенинникова и нѣкоторыхъ другихъ бумагъ: все это переводилось на французскій языкъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Шувалова и при содѣйствіи Ломоносова; такъ, по указанію сего послѣдняго, занимался переводами профессоръ академіи Модрахъ, переписывали на бѣло студенты (61). Такого рода переводы и извлеченія постоянно посылались къ Вольтеру. Въ началѣ 1759 года ихъ повезъ къ нему Борисъ Михайловичъ Солтыковъ, воспитанникъ московскаго университета: Шуваловъ послалъ его вмѣстѣ съ другими на житье въ Женеву для усовершенствованія въ наукахъ. Съ

---

(60) Письмо отъ 24 Іюня 1756 г. «Les médailles sont de trop,» прибавляетъ Вольтеръ.

(61) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 8 Іюня 1759 г.

нимъ же отправлены были и подарки Вольтеру отъ Шувалова: русскіе мѣха и чай ([62]). Въ отвѣтѣ Вольтера, отъ 29 Мая 1759 года изъ Делисъ, читаемъ: «На берегахъ Невы и Москвы говорятъ и пишутъ по французски ничѣмъ не хуже Версаля. Я никогда не могу надивиться этому. Но мое удивленіе и вмѣстѣ удовольствіе удвоились, когда я прочиталъ письмо вашего превосходительства и вступилъ въ бесѣду съ подателемъ онаго, г. Солтыковымъ. Не могу не выразить вамъ моей признательности за прекрасные мѣха и за напитокъ его китайскаго величества. Теперь, по вашей милости, конечно никто изъ властителей Европы не пьетъ лучшаго чаю и не защищенъ лучше меня отъ холоду. Бумаги и указанія, въ послѣдній разъ вами присланныя, довершаютъ вашу щедрость. Онѣ простираются до 1721 г., но я льщу себя надеждою, что вы почтите меня дальнѣйшими присылками. Употреблю всѣ старанія, чтобы соотвѣтствовать вашимъ заботамъ и намѣреніямъ. Къ зимѣ, если не обманываетъ меня надежда, буду имѣть честь представить вамъ все сочиненіе».

Дѣйствительно, осенью того же года была написана и даже отпечатана въ Женевѣ первая часть исторіи, до прутскаго похода. Но Вольтеръ не рѣшался пустить ее въ продажу, не узнавъ напередъ, довольны ли ею будутъ въ Петербургѣ, и послалъ ее къ Шувалову, прося въ случаѣ нужды сдѣлать новыя поправки и обѣщаясь перепечатать исправленные листы ([63]). Шуваловъ отдавалъ ее на разсмотрѣніе Миллеру и Ломоносову, которые, кажется, одни и занимались тогда ученымъ образомъ русскою исторіею. Оба они написали разборы вольтеровой книги, къ сожалѣнію не дошедшіе до насъ, кромѣ немногихъ и незначительныхъ замѣтокъ Ломоносова ([64]). Безъ сомнѣнія замѣчанія ихъ вмѣстѣ съ шуваловскими были посланы въ Ферней для поправокъ: Вольтеръ особенно досадовалъ на Миллера за указаніе ошибокъ въ правописаніи собственныхъ именъ.

---

(62) Этотъ Солтыковъ нѣсколько лѣтъ былъ литературнымъ агентомъ Шувалова. У Порошина (стр 292) такъ о немъ записано: «Сказывалъ Григорій Николаевичь (Тепловъ) о Солтыковѣ, который прежде отъ И. И. Шувалова посыланъ былъ къ Вольтеру, а потомъ былъ у Григорья Николаевича. О Солтыковѣ сказывалъ онъ, что нынѣ отъ себя его отбросилъ за дурнымъ его поведеніемъ».—См. также письма Вольтера отъ 29 Мая, 11 и 22 Ноября 1759 г., отъ 21 Мая (объ отъѣздѣ Солтыкова въ Англію) и 4 Іюня 1762 года.

(63) Письмо отъ 14 Мая 1760 г.

(64) См. Москов. Телегр. 1828, № 6.

Если вѣрить письмамъ Вольтера, то надо признаться, что вообще онъ имѣлъ нѣкоторое право быть недовольнымъ: книга его пробыла въ Петербургѣ около года, а между тѣмъ кто-то успѣлъ похитить его рукопись и напечатать ее: въ Гамбургѣ, Франкфуртѣ и Гагѣ вышли объявленія о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія Вольтера; пришлось жаловаться и останавливать незаконную продажу ([65]). Наконецъ изъ Петербурга возвратилась настоящая книга, и Вольтеръ выдалъ ее подъ заглавіемъ: *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII.* По словамъ сочинителя она имѣла въ два мѣсяца три изданія. Есть извѣстіе, что на заглавномъ листкѣ ея была оттиснута медаль, выбитая въ память основанія московскаго университета, что̀ служило знакомъ новой любезности Шувалову ([66]). Разумѣется, сей послѣдній не оставался въ долгу: нѣсколько разъ посыланы были къ Вольтеру разные подарки, а по выходѣ въ свѣтъ перваго тома исторіи 2 тысячи червонцевъ. «Мои издержки слишкомъ ничтожны,—отвѣчалъ по этому случаю Вольтеръ, не задолго передъ тѣмъ написавшій еще хвалебные стихи Петру Великому—мои труды вполнѣ искупаются достоинствомъ предмета, которымъ былъ я занятъ. Мнѣ было бы наилучшею наградою-имѣть портреты вашъ и вашей августѣйшей государыни» ([67]). Ему особенно хотѣлось узнать, какъ приняла его книгу Елизавета Петровна. Онъ безпрестанно напискалъ о томъ Шувалову и видимо думалъ, какъ можно, болѣе угодить ему, расточалъ передъ нимъ льстивыя выраженія, сравнивалъ его съ кардиналомъ Пассіонеи, посылалъ книги и рукописи въ его библіотеку, какую-то особенную воду для его стола и проч. ([68]). Приводимъ для образца отрывокъ изъ письма, въ которомъ Вольтеръ извѣщалъ Шувалова объ отправленіи этихъ посылокъ: «Надѣюсь, милостивый государь, что вы получили теперь

---

(65) См. письма его къ Шувалову отъ 1, 22 Апрѣля, 7 Іюня, 2 Авг. и др. 1760 года.

(66) См. статью Снегирева въ Ж. М. Н. Пр. Перваго изданія Вольтеровой исторіи намъ не удалось видѣть. Въ томъ же 1762 г. извѣстный Бюшингъ издалъ въ Гамбургѣ нѣмецкій переводъ ея съ поправками и замѣчаніями, которыя, можетъ быть, принадлежатъ нашему академику Миллеру. Тутъ на оборотѣ перваго листка дѣйствительно оттиснута медаль московскаго университета. Эта книжка (въ малую 8) находится въ здѣшней университетской библіотекѣ.

(67) См. письма его къ Шувалову отъ 30 Марта 1761 г.

(68) Письма отъ 26 Августа и 14 Ноября 1761 г.

посланное къ вамъ съ вашего позволенія, а именно, первую часть исторіи Петра Великаго, довольно толстую связку книгъ и рукописей и ящикъ съ колладонскою водою, которая составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ противъ несваренія желудка и на вкусъ не уступаетъ барбадской водѣ; она пригодится въ случаѣ нужды вашимъ пріятелямъ, ибо относительно васъ, я увѣренъ, что въ число вашихъ добродѣтелей входитъ и воздержность. Ваше превосходительство почтили меня подарками, вполнѣ достойными васъ и двора русскаго. Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ я прекрасные мѣха ваши, мнѣ ни по чемъ альпійскіе снѣга, которые стоятъ русскихъ. Но дороже всего ваши рукописи; онѣ мнѣ очень будутъ полезны, когда приступлю ко второму тому. Терять времени не слѣдуетъ; лѣта и здоровье понуждаютъ меня торопиться. Хотя Петръ Великій и не довершилъ великихъ предпріятій своихъ, но историкъ его намѣренъ окончить малое дѣло свое.»

Елизавета Петровна въ это время уже была почти постоянно нездорова, и вѣроятно Шуваловъ не находилъ удобнаго случая доложить ей о книгѣ Вольтера. Не получая долго отвѣта, сей послѣдній писалъ къ Шувалову (отъ 10 Янв. 1761 г.): «Я старѣю, здоровье мое плохо, и можетъ статься, что я умру, не докончивъ воздвигаемаго вами зданія. Но мнѣ тяжело будетъ умереть, не узнавъ, почтила ли достойная дщерь Петра Великаго благосклоннымъ вниманіемъ своимъ трудъ, совершенный во славу ея родителя. Я льщу себя надеждою, что, благоговѣя передъ его памятью, она низойдетъ хотя на мгновеніе съ высоты, на которую возвело ее Небо, и поручитъ вашему превосходительству извѣстить меня, довольна ли она сколько нибудь моею работою. По крайней мѣрѣ такъ благоволятъ обыкновенно поступать наши государи, даже относительно собственныхъ подданныхъ.»

Безъ сомнѣнія императрица милостиво одобрила книгу Вольтера. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль, которую имѣли въ виду, приглашая Вольтера писать исторію Петра Великаго, достигнута была вполнѣ. сочиненіе его разошлось по Европѣ, и на модномъ языкѣ того времени расточены были похвалы русской имперіи.

Намъ нечего говорить объ настоящихъ достоинствахъ Вольтерова сочиненія. Мы ограничиваемся только указаніемъ тѣхъ сношеній, которыя имѣлъ авторъ исторіи Петра Великаго съ Шуваловымъ и того участія, которое принималъ Шуваловъ въ трудѣ Вольтера. Не можемъ пропустить здѣсь одного замѣчанія Екатерины II. Уже всту-

пивъ на престолъ, въ одномъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, она говоритъ, что, если бы ему пришлось писать исторію Петра Великаго въ ея царствованіе, она доставила бы ему гораздо больше матеріаловъ. Конечно это сказано не въ упрекъ Шувалову, ибо чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе открывалось новыхъ свѣдѣній, тѣмъ многочисленнѣе становились матеріалы. Изъ писемъ Вольтера видно, что Шуваловъ много работалъ надъ просмотромъ его труда, что сей послѣдній во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ проходилъ чрезъ его цензуру; не говоримъ уже о томъ, что онъ постоянно высылалъ Вольтеру разнаго рода матеріалы, письма Петра Великаго, письма Станислава Лещинскаго, бумаги о Персидскомъ походѣ и проч. ([69]).

Второй томъ исторіи, точно также какъ и первый, былъ просмотрѣнъ и дополненъ Шуваловымъ въ черновомъ видѣ. Вольтеръ писалъ его впрочемъ гораздо медленнѣе, нежели первый, будучи отвлекаемъ другою большою работою, изданіемъ сочиненій Корнеля, которыя онъ печаталъ въ Женевѣ съ своими примѣчаніями, въ пользу дочери знаменитаго трагика. Это было великолѣпное изданіе, съ гравюрами. Вольтеръ открылъ на него подписку, и по просьбѣ его императрица Елизавета Петровна и Шуваловъ подписались на нѣсколько экземпляровъ. Въ концѣ 1761 года Вольтеръ съ прежнею ревностью принялся за оставленный трудъ. Въ теченіи осени онъ писалъ къ Шувалову почти каждую недѣлю, испрашивая совѣтовъ, указаній, разрѣшенія своихъ сомнѣній (его особенно затрудняло дѣло царевича Алексѣя Петровича), возражая на замѣчанія и требуя скорѣйшихъ отвѣтовъ.

Но въ это время Шувалову было уже не до Вольтера. Въ жизни и судьбѣ его готовилась рѣшительная перемѣна. Весь конецъ 1761 года болѣзнь императрицы постоянно усиливалась, такъ что не оставалось болѣе надежды на выздоровленіе. Наконецъ совершилось событіе, такъ долго грозившее петербургскому двору рѣшительнымъ переворотомъ: въ день Рождества Христова, послѣ тяжкихъ и мучительныхъ страданій, Елизавета Петровна скончалась на

---

(69) Подробности заключаются въ письмахъ Вольтера. Любопытно, что въ письмѣ отъ 17 Іюля 1758, передавая Шувалову разныя свои соображенія о Россіи, Вольтеръ останавливается на старинной русской одеждѣ, рисунки которой ему повстрѣчались въ путешествіи Олеарія. О кафтанѣ онъ говоритъ: «Je ne peux m'empêcher de regarder cet habillement ancien comme très noble»

53 году отъ роду. Во дворцѣ, въ городѣ, и въ цѣломъ государствѣ произошла рѣшительная перемѣна.

Нечего говорить, какъ тяжело было Шувалову оплакивать кончину государыни, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Къ этому несчастію присоединилась новая семейная утрата: черезъ нѣсколько дней послѣ императрицы (4 Янв. 1762 г.) скончались двоюродный братъ его, графъ Петръ Ивановичь, главный виновникъ его возвышенія, главный руководитель его въ дѣлахъ государственныхъ и вторая супруга его (ур. кн. Одоевская). Шувалову почти въ одно время пришлось хоронить самыхъ близкихъ людей. Тревоги всякаго рода, неизбѣжныя для царедворца при перемѣнѣ царствованія, хлопоты по случаю переселенія изъ дворца, гдѣ уже не за чѣмъ ему было жить, наконецъ неизвѣстность будущаго, все это волновало Шувалова. Конечно во все продолженіе его жизни не было для него времени, болѣе тяжкаго.

Князь Ѳ. Н. Голицынъ передаетъ намъ слѣдующую, во всѣ времена достойную уваженія черту душевнаго благородства своего дяди. «Императрица—говоритъ онъ—примѣтивъ, что Иванъ Ивановичь никогда ничего у нея не проситъ, и что даже отъ жалуемой волости, состоящей изъ 6000 душъ, съ благодарностью отказался, изволила ему приготовить у себя въ почивальной въ сундукѣ премножество золота какъ слитками, такъ и монетою. За нѣсколько времени до кончины, она ему объ ономъ сказала, и приказала перенесть сундукъ въ его покои, гдѣ онъ и стоялъ до самой ея кончины. Какъ же скоро государь Петръ III воцарился, Шуваловъ, ему объ томъ объявя, поднесъ ему ключъ, и просилъ, чтобъ его взять. Сей рѣдкій поступокъ тѣмъ паче достоинъ великой похвалы, что Шуваловъ имѣлъ самое посредственное состояніе. Послѣ кончины своей августѣйшей благодѣтельницы, у него осталось нѣсколько денегъ, а деревень ни одной не прибавилъ во время своего двѣнадцатилѣтняго случая. На сіи деньги онъ купилъ двѣ тысячи душъ.»

Уже одинъ этотъ поступокъ долженъ былъ расположить новаго императора въ пользу Шувалова. Но и безъ того Иванъ Ивановичь имѣлъ полное право надѣяться на милостивое вниманіе государя. Какъ извѣстно, въ предыдущее царствованіе между императрицею и ея наслѣдникомъ не всегда сохранялось доброе согласіе. «Обстоятельства представлялись иногда самыя трудныя—разсказываетъ кн. Ѳ. Н. Голицынъ—и Иванъ Ивановичь часто мнѣ самъ говаривалъ, что онъ удивляется теперь, какъ онъ могъ иногда смяг-

чать и прекращать нѣкоторымъ образомъ встрѣчающіяся неудовольствія между обоими дворами. Таковое посредничество требовало не токмо отмѣнной ловкости, но и при самомъ чистосердечномъ усердіи могло бы навлечь нѣкоторое на него подозрѣніе; но сіи высокія особы столь увѣрены были въ его безпристрастіи и правдивости, что ни мало въ немъ не сумнѣвались.» Петръ Ѳедоровичь, будучи великимъ княземъ, не рѣдко посѣщалъ Шувалова въ его дворцовыхъ покояхъ и оставался у него подолгу. Есть извѣстіе, что однажды онъ обращался къ Шувалову съ просьбою ходатайствовать передъ императрицею объ уплатѣ его долговъ. Отъ природы милостивый, онъ вспомнилъ объ этомъ по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ Шувалова своимъ преемникомъ въ почетномъ званіи директора Сухопутнаго кадетскаго корпуса, и захотѣлъ публично выразить ему благоволеніе свое. Приказавъ Шувалову пріѣхать въ назначенный часъ въ корпусъ, самъ онъ нарочно прибылъ туда ранѣе, поставилъ всѣхъ кадетъ въ строй, и держа въ рукѣ списокъ, дожидался Шувалова. Какъ скоро пріѣхалъ сей послѣдній, государь взялъ эспантонъ, всѣмъ фронтомъ отдалъ ему честь и поднесъ рапортъ. Это было великою почестью, особливо въ то время.

Но Шуваловъ понималъ, что случай его прошелъ безвозвратно. Ему тяжело было оставаться при дворѣ, посреди новыхъ лицъ, при новыхъ, весьма ненадежныхъ, отношеніяхъ. Онъ не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы стараться о поддержаніи своего значенія, и тотчасъ же по смерти Елизаветы Петровны рѣшился отстать отъ двора, чтобы вполнѣ предаться спокойной, независимой жизни и любимымъ своимъ занятіямъ науками, искусствами и словесностью. Безъ сомнѣнія давно ему хотѣлось побывать въ чужихъ краяхъ. Теперь представлялось для того свободное время. «Ваше намѣреніе исключительно посвятить себя наукамъ — писалъ къ нему Вольтеръ отъ 15 Марта 1762 г.—вполнѣ достойно философа. Вы будете новымъ Анахарсисомъ. Но возымѣвъ столь благородное и мудрое намѣреніе, отчего не хотите вы поступить, какъ поступилъ Анахарсисъ? Отчего вы не путешествуете? Впрочемъ я говорю эгоистически: въ этомъ случаѣ можетъ быть придется мнѣ увидать васъ, и я буду имѣть счастіе бесѣдовать съ человѣкомъ, котораго письма доставили мнѣ столько удовольствія... Старость не дозволяетъ мнѣ ѣхать къ вамъ; вы же молоды, и благорастворенный климатъ укрѣпитъ ваше здоровье, если оно сколько нибудь ослабѣло... Вы такъ хвалите

царствующаго императора; я желаю ему многихъ лѣтъ, какъ желалъ покойной государынѣ, смерть которой оплакиваю. Онъ и супруга его должны жить долго, потому что живутъ для блага людей. Безъ сомнѣнія они удерживаютъ васъ въ Петербургѣ.» Не переставая напоминать Шувалову о поѣздкѣ въ чужіе краи, Вольтеръ писалъ (отъ 21 Мая того же года): «Вамъ слѣдуетъ подражать Петру Великому и отправиться въ путешествіе. Конечно вы не сомнѣваетесь въ отличномъ пріемѣ, который всюду ожидаетъ васъ, и котораго вы достойны. Ваше путешествіе будетъ постояннымъ торжествомъ, и еще болѣе возвеличитъ вашу родину, ибо Европа увидитъ человѣка, отличныхъ свойствъ, украшеннаго познаніями, и какъ бы созданнаго для того, чтобы блистать при всѣхъ дворахъ. Я былъ бы очень радъ, если бы вы опредѣлились куда нибудь посланникомъ: это сократило бы находящееся между нами пространство, и не смотря на всѣ болѣзни мои, я поспѣшилъ бы доставить себѣ утѣшеніе личной бесѣды съ вашимъ превосходительствомъ.»

Должности посланника конечно Шуваловъ никогда бы не взялъ, хотя вѣроятно легко могъ бы получить ее. Ему просто хотѣлось отдохнуть отъ прежней жизни, пожить на свободѣ, въ полной независимости, полюбоваться красотами природы и искуствъ, увидѣть вблизи хваленыя мѣста. Онъ принялъ твердое намѣреніе путешествовать, и конечно желалъ поскорѣе уѣхать, чтобы не быть свидѣтелемъ переворота, который тогда готовился въ Россіи. Хотя приверженцы императрицы Екатерины не обращались къ нему ни съ какими предложеніями, но легко можно было угадывать ихъ намѣренія. Вообще первая половина 1762 года представляетъ собою одну изъ тѣхъ тяжелыхъ эпохъ, когда всякій, любящій спокойную жизнь, человѣкъ долженъ былъ мучиться неизвѣстностью будущаго. По характеру своему Шуваловъ не желалъ принимать никакого участія въ приближавшейся развязкѣ великаго дѣла. Онъ намѣревался оставить Петербургъ вмѣстѣ съ молодымъ племянникомъ своимъ, графомъ Андреемъ, сыномъ покойнаго Петра Ивановича, уѣзжавшимъ тогда въ чужіе края (70). Но придворная служба задержала Ивана Ивановича. Государь, собиравшійся тогда въ походъ противъ Даніи, которой объявлена была война за голстинскія владѣнія, въ знакъ своей милости, изъявилъ желаніе, чтобъ Шуваловъ ему сопутствовалъ.

---

(70) Письмо Вольтера отъ 23 Іюня 1762 года.

Такимъ образомъ Шуваловъ не успѣлъ освободиться отъ придворной службы, и конечно не весело было ему отправляться въ Данію. Но надлежало покориться судьбѣ. Въ началѣ Іюля назначено было выступленіе въ походъ, и Шуваловъ на время уѣхалъ отъ двора, изъ Петергофа въ Петербургъ, чтобы приготовить все нужное въ дальную дорогу.

Въ этихъ сборахъ засталъ его знаменитый переворотъ 28 Іюня. Въ этотъ день, рано утромъ, изъ оконъ дома своего на Невскомъ Проспектѣ, Шуваловъ увидѣлъ торжественное шествіе Екатерины, направлявшееся отъ Измайловскихъ казармъ къ Казанскому Собору. Раздумывать не было времени, и повинуясь общему, почти единодушному влеченію, Шуваловъ немедленно перешелъ улицу и явился въ соборѣ у присяжнаго листа. Молодая государыня замѣтила его и тутъ же, подозвавъ къ себѣ, сказала: «Иванъ Ивановичь, я рада, что и ты съ нами.»

По Шувалову и безъ того не слѣдовало сомнѣваться въ благоволеніи Екатерины. Хотя, въ предшествовавшія царствованія, онъ не принадлежалъ къ числу ревностныхъ ея приверженцевъ, однако имѣлъ случай оказывать ей услуги, и даже, по миролюбію своему, успѣвалъ въ послѣднее время устранять недоразумѣнія, возникавшія между Елизаветою Петровною и ея племянницей ([71]). Вообще Екатерина цѣнила благородный образъ мыслей Шувалова и ту пользу, которую приносилъ онъ отечеству. Немедленно по воцареніи ея возобновились сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, и вскорѣ исторія Петра Великаго была издана вполнѣ. Черезъ Шувалова послано было къ Дидероту приглашеніе Екатерины доканчивать въ Россіи запрещенную во Франціи Энциклопедію; Шуваловъ же входилъ въ сношенія съ Даламбертомъ и сообщалъ ему предложеніе принять должность наставника при наслѣдникѣ русскаго престола ([72]).

Но довѣріе и милостивое вниманіе Екатерины не могли отклонить Шувалова отъ давно желанной поѣздки въ чужіе краи, къ которой теперь не представлялось препятствій, и въ необходимости которой

---

(71) Вольтеръ въ письмѣ къ Аржанталю отъ 8 мая 1762: «Je savais bien qu'Ivan Schowalow, mon favori et celui d'Elisabeth, avait raccommodé la princesse impériale avec la mourante.»

(72) См. примѣчаніе при письмѣ Вольтера къ Даламберту отъ 25 Сент. 1762 г; а о печатаніи Энциклопедіи, которую предполагали издавать въ Ригѣ, см. письмо его же къ Дидероту отъ 25 того же мѣсяца и года. Шуваловъ самъ писалъ о томъ къ Дидероту, но письма этого мы не могли найти.

онъ вполнѣ убѣдился. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины русскій дворъ принялъ совсѣмъ новый видъ: прекратились ужины за полночь, рѣже праздновались маскерады, всюду введены точность и строгая бережливость (особливо во времени). Вообще царедворцамъ Елизаветы надлежало совершенно перемѣнять свои привычки; имъ было неловко посреди новыхъ людей; Шуваловъ же не имѣлъ довольно честолюбія, чтобы преодолѣвать эту неловкость и приноравливаться къ новымъ обычаямъ. Онъ рѣшился, по крайней мѣрѣ на время, оставить дворъ.

Необыкновенныя событія того времени, имѣвшія такое сильное вліяніе на судьбу Шувалова, потрясли и физическій организмъ его. Лѣтомъ 1762 года онъ слегъ въ постелю, какъ видно изъ письма къ нему Вольтера отъ 13 Августа этого года, и по всему вѣроятію, не принималъ участія въ торжествѣ коронованія Екатерины и въ тогдашнихъ московскихъ праздникахъ. Впрочемъ болѣзнь, кажется, продолжалась не долго. Въ Мартѣ слѣдующаго года онъ уже собирался въ дорогу. Любопытно, что въ это самое время, въ Москвѣ, къ нему явился молодой солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, съ просьбою взять его за границу. То былъ воспитанникъ казанской гимназіи Державинъ. Шуваловъ, еще прежде знавшій о его способностяхъ, изъявилъ согласіе; но одна изъ тетушекъ написала Державину строгое письмо, въ которомъ объявлено было, что мать лишитъ его своего благословенія, если онъ отправится за море съ *фармазономъ*. Видно подъ этимъ именемъ слыли тогда въ глухихъ углахъ Россіи люди, посвящавшіе себя наукамъ, въ томъ числѣ и Шуваловъ ([73]).

Въ то время, послѣ славнаго указа Петра III, предоставлявшаго всѣмъ Русскимъ полную свободу въ избраніи мѣста жительства, не представлялось особенныхъ затрудненій къ путешествію въ чужіе краи. Получивъ временное увольненіе отъ должностей своихъ, въ половинѣ Апрѣля 1763 года, Шуваловъ отправился въ дорогу, конечно не предполагая, что ему придется прожить внѣ Россіи слишкомъ 14 лѣтъ ([74]).

---

(73) См. Остолопова Ключь къ соч. Державина, стр. 7. Объ этомъ сообщалъ намъ также родственникъ Державина гр. Д. Н. Б.— Франкмасонство, занесенное офицерами изъ Пруссіи, (молодой Суворовъ посѣщалъ въ Кенигсбергѣ масонскія ложи), уже тогда было въ ходу у насъ; Петръ III ему покровительствовалъ.

(74) Въ С. Пет. Вѣдомостяхъ 1763 года, № 31, отъ 18 Апрѣля, означено: «Генералъ-поручикъ и Шефъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Иванъ Ивановичъ

О путешествіяхъ Шувалова и его жизни въ чужихъ краяхъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій въ собственныхъ письмахъ его къ сестрѣ, княгинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Голицыной (1734—1802). Письма эти писаны незатѣйливо, съ откровенностью братской дружбы, и лучше всего изображаютъ простой и безхитростный характеръ Шувалова. Нельзя не пожалѣть, что они сохранились не вполнѣ, и обнародованы лишь въ отрывкахъ ([75]).

Разумѣется, Шувалова всюду принимали съ великими почестями и предупредительностью. Вотъ письмо его изъ Митавы, отъ 24 Апрѣля 1763 года: «Вчерашній день, матушка, выѣхалъ изъ Риги и пріѣхалъ въ Митаву; стою на квартирѣ принца Карла Курляндскаго. Герцогъ ([76]) присылалъ звать меня обѣдать, и туда ѣду. Послѣ обѣда отправлюсь въ путь. Послѣ сего письма долго писемъ не будете имѣть; чаю, что до самаго Мемеля постамтовъ нѣтъ, и въ разсужденіи дурной дороги чаю не скоро пріѣду. Ѣду же на наемныхъ русскихъ тульскихъ ямщикахъ, которые меня скорѣй привезутъ, нежели дурная здѣшняя почта. Могу сказать, что такихъ веселыхъ людей, какъ мои ямщики, и хорошихъ лошадей мало видать.

Шуваловъ, получилъ дозволеніе отъѣхать на нѣкоторое время въ чужіе краи, указомъ 4 Марта 1763 г.» (Тогда дворъ еще находился въ Москвѣ).

(75) Подлинники этихъ писемъ находятся у графини Прасковьи Николаевны Фредро, которая, по матери своей графинѣ Головиной, приходится родной внукой сестры Шувалова, княгини Голицыной. Въ 1844 году въ Парижѣ гр. Фредро дозволила снять съ нихъ копіи кандидату нашего университета, Ѳ. И. Бѣляеву, отъ котораго и получилъ ихъ М. П. Погодинъ, и въ 1845 году письма эти, въ числѣ 22-хъ, были напечатаны въ октябрьской книгѣ Москвитянина, съ правописаніемъ подлинниковъ, которое у насъ не удержано, и для показанія котораго приводимъ здѣсь и ниже въ примѣчаніи 79-мъ отрывки. «18 Сего месеца было здѣсь трясеніе земли почью въ шесть часовъ; многио чувствовали, а болѣе того людей спали; Императрица отъ сего пробудилась, и видѣла, что завѣсы трогались, и протчіе вкомнате убранство. только 23 мили отсюдова ввенгріи городъ Комернъ инако сие приключеніе имѣлъ: несколько домовъ, церквей развалилось и людей погибло. Обстоятельнаго извѣстія ждутъ; только оное правда. вчерась я обѣдалъ у Кауница, и первое описаніе читали: сколько время дозволило, обстоятельства тому, —отъ котораго получен репортъ, узнали. Сей городъ стоялъ взаливе Дунаи, окружен водою, въ іныхъ мѣстахъ земля провалилась.—еду обѣдать кпринцесе Любомирской.» (Вѣна, 21 Іюня 1763). Тогда же г. Бѣляевъ списалъ у граф. Фредро 8 писемъ отъ разныхъ лицъ къ Шувалову; они напечатаны въ ноябрьской книгѣ Москвитянина 1845 года.— Г. Бѣляевъ сообщалъ намъ, что за недостаткомъ времени, онъ не могъ списать всѣхъ писемъ, а списалъ только замѣчательнѣйшія, а изъ нѣкоторыхъ лишь отрывки.

(76) Знаменитый Биронъ, которому Екатерина возвратила Курляндію и который незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ въ Митаву изъ Ярославля. Ниже упомянутые принцы Карлъ и Петръ сыновья Бирона.

Какая разница наша Русь отъ здѣшнихъ обитателей! Принцъ Карлъ, другой герцогъ, нѣсколько дней отсюдова уѣхалъ, и послѣ тотчасъ дворецъ наши солдаты заняли.—Дописываю мое письмо, возвратясь къ себѣ. Обѣдалъ у герцога, которой меня весьма ласково и учтиво принялъ. Въ первый разъ видѣлъ дворъ нѣмецкаго маленькаго владѣтеля, въ которомъ гофмаршалъ, кавалеръ, фрелины, пажи, все въ миніатюрѣ предъ большимъ дворомъ. Герцогъ самъ ко мнѣ хотѣлъ ѣхать, только я сказалъ, чтобъ не трудился, ибо я скоро поѣду. Принцъ Петеръ однакожъ былъ. Кушанья намъ наслали въ Ригѣ столько, что дѣвать было некуда на дорогу. Дороги здѣсь очень дурны. Митава городокъ какъ нѣмецкой.... клинъ (77). Въ первый разъ видѣлъ здѣсь Жидовъ, которыхъ множество здѣсь. Здѣсь вамъ, матушка, принялъ учителя князю Ф. И. (78), которому далъ письмо явиться къ вамъ. Чаю, черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ. Человѣкъ изрядной; я чаю, что его знаніемъ, особливо поведеніемъ, довольны будете. Впрочемъ, матушка, прощай, Богъ съ тобою.»

Въ Пруссіи вниманіе Шувалова остановилось на внутреннихъ распоряженіяхъ Фридриха Великаго послѣ семилѣтней войны. «Его величество всѣ силы свои употребляетъ къ возстановленію внутренняго благосостоянія,» разсказываетъ Шуваловъ въ письмѣ отъ 20 Мая изъ Бреславля. «Одной Шлезіи далъ 17,000 лошадей мужикамъ, взявъ изъ драгунскихъ легкихъ войскъ, артиллерійскихъ и прочихъ, которыхъ мирное состояніе нужды не требуетъ; и прочія дѣлаетъ касательно сей пользы учрежденія. Разумныя его повелѣнія. Строгое и скорое по нимъ исполненіе въ краткое время приведутъ его земли въ желаемое цвѣтущее состояніе, исправя приключенныя войною разоренія. Истинно надивиться довольно не можно, съ какимъ прилежаніемъ и усердіемъ всѣ по деревнямъ, гдѣ ѣхалъ, приказы исполняютъ; правители же всѣ имѣютъ самое малое жалованье. Мужики знающіе, разумные изстари: доволенъ каждый своимъ состояніемъ, и главное удовольствіе въ исполненіи своей должности почитаетъ. Сіе пріобрѣтается долгимъ временемъ добраго воспитанія. Вездѣ по деревнямъ мальчики и дѣвочки учатся грамотѣ и божескому закону. Всякой получаетъ пропитаніе своими трудами. Молодые, видя примѣръ въ старыхъ, привыкаютъ къ трудолюбію съ возрастомъ.

(77) Это мѣсто вѣроятно было не разобрано въ подлинникѣ

(78) Кн. Ѳ. Н. Голицынъ, сынъ сестры Шувалова и жизнеописатель сего послѣдняго. Ему было 12 лѣтъ. —Тогда Жиды были изгнаны изъ Россіи.

Вчерась я обѣдалъ на дорогѣ у одного изъ сихъ управителей, которому порученъ весь Глоговскій уѣздъ, и онъ дворянинъ; съ какою ласкою онъ обходится! Много сказывалъ, что его наши войска разорили; только все то съ терпѣніемъ сноситъ и болѣе жалуется на обстоятельства военныя, нежели на людей, которыми, сказываетъ, что былъ доволенъ. То нужда ихъ лишила его многаго. Жена у него старушка сказывала, что могла сыскать ласку отъ козаковъ, выучась нѣсколько по русски, и стараясь ихъ кормить и поить, и за то ее звали *гуте-мачка*. Письма мои къ вамъ наполнены и дѣломъ и вздоромъ: удовольствіе, матушка, долѣе съ вами говорить всегда въ нихъ произведетъ сей непорядокъ.»

Въ исходѣ Мая Шуваловъ прибылъ въ Вѣну. Тамошній посолъ нашъ кн. Дмитрій Михайловичь Голицынъ принялъ его очень дружелюбно и немедленно ввелъ его въ высшій кругъ вѣнскаго общества, который конечно давно знакомъ ему былъ по слухамъ, вслѣдствіе частыхъ сношеній петербургскаго двора съ вѣнскимъ. Шуваловъ въ нѣсколькихъ письмахъ съ мелочными подробностями разсказываетъ сестрѣ о своемъ представленіи императрицѣ и императору (Маріи Терезіи и супругу ея), о знакомствахъ своихъ съ послами, министрами и вѣнскою знатью, о разныхъ увеселеніяхъ, о домашнемъ бытѣ тамошнихъ вельможъ, о поѣздкахъ за городъ: однимъ словомъ передаетъ все, что̀ показалось ему замѣчательнымъ (79). Въ этихъ письмахъ вполнѣ виденъ вельможа тѣхъ временъ. Замѣчательно, что онъ прожилъ въ Вѣнѣ около полугода, между прочимъ по той причинѣ, что тамъ было дешево жить. Послѣ роскошной петербургской жизни у него оставалось всего 8 т. р. доходу,—

(79) Напр. въ письмѣ отъ 16 авг. 1763 г. изъ Вѣны: «Вовсе нетъ такого мотовства, какъ у насъ: здѣсь дамы почти все домашнія дѣла правятъ; сами овесъ и сено покупаютъ, мнѣ сами знатные сказывали. многие здѣсь домы даютъ обѣдъ вдва мѣсеца одинъ разъ свеликимъ огромствомъ; а протчие дни едятъ на тарелачкахъ трехъ или четырехъ. Не по нашему, какъ я помню, во дномъ доме, званъ былъ ужинать, где столъ былъ, помнитца, на двенатцать человѣкъ, а приехало сорокъ, между темъ вныо внервой разъ отроду вдомъ кужину. Я часто здесь разсказываю къ великому удивленію образъ нашей жизни всамомъ деле хорошо. Только сколько неудобно хозяину! здѣсь обычай, что после супу едятъ дыни! вотъ вамъ новая мода.... Государю моему Александру Григорьевичу моя дружба, любовь і почтение, которая пребудетъ на вѣки! другъ мой естлибъ здѣсь изволилъ быть,-статую бы поставили за постоянное сидѣние вломберъ; другой игры нетъ; только такъ скоро играютъ, что я смоею посиѣшностію на успѣваю: одинъ разъ у графини Гарахъ просилъ, чтобъ потише играть, или я весь столъ отъ скорости моей опрокину» и пр. *(sic)*.

сумма, сравнительно ничтожная ([80]). «Не повѣрите, какой сталъ экономъ», пишетъ онъ къ сестрѣ. «Хочу вамъ описать мой домъ: 2 камердинера, поваръ, 2 скорохода, 3 лакея, кучеръ, квартира, столъ, естьли дома обѣдаю, на 4 персоны—все оное стоитъ 150 червонцевъ на мѣсяцъ, кромѣ платья, что принужденъ былъ дѣлать, и ливрею и другіе мелочные расходы. Если такъ вездѣ будетъ, то могу съ благопристойностью жить. Только сказываютъ, въ Парижѣ несравненно все дороже, особливо нынѣ. И такъ, выключая другихъ удовольствій, экономія требуетъ, чтобъ здѣсь долѣ жить. Думаю въ половинѣ Ноября отсюда конечно выѣхать, можетъ быть и прежде, въ Италію или во Францію, еще не знаю. Причина ѣхать въ Италію: 1) Что нынѣ удобное къ тому время, 2) что близко оной земли; во Францію: 1) Докуда еще не такъ старъ, могу присовокупить знаніе, по причинѣ многихъ ученыхъ людей; 2) мое платье и прочія нужныя потребности посланы во Францію на кораблѣ».

Конечно Шуваловъ не долго колебался въ выборѣ: его манилъ къ себѣ Парижъ, тогда еще болѣе, нежели теперь, считавшійся безусловнымъ законодателемъ вкуса, столицею европейскаго просвѣщенія. Въ началѣ 1764 года онъ пріѣхалъ туда, если не ошибаемся, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, который также нашелъ нужнымъ на время удалиться изъ Петербурга ([81]). Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось писемъ его изъ Парижа; въ нихъ вѣроятно заключалось много любопытнаго о парижскомъ дворѣ и обществѣ, въ которыхъ именно въ ту пору произошли значительныя перемѣны вслѣдствіе кончины двухъ первенствовавшихъ лицъ, маркизы Помпадуръ и Дофина (отца Людовика XVI). Еще любопытнѣе было бы знать о непосредственныхъ сношеніяхъ Шувалова съ французскими учеными, философами и художниками. Но все это остается неизвѣстнымъ. Знаемъ только, что въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, Шуваловъ велъ свѣтскую жизнь, что онъ представлялся Людовику XV, свелъ знакомство

---

(80) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 г. изъ Вѣны. Впослѣдствіи онъ получалъ больше и его дѣлами завѣдывалъ вышеупомянутый Александръ Григорьевичъ (фамильи не знаемъ) По письмамъ видно, что онъ едва сводилъ концы съ концами. Въ письмѣ отъ 8 Окт. 1763 изъ Вѣны, читаемъ: «Пишетъ ко мнѣ, матушка, Андрей, что мужики новогородской деревни приходили, даютъ охотно оброку 1500 рублевъ,- только бъ ихъ не продавать, сие предаю въ вашу волю. Естли можно цѣну взять хорошую, то продать, попритчине, что много хлапотъ отъ соседей будетъ».

(81) См. письмо отъ 27 Сент. 1763 и Записки Порошина, стр. 108.

со всею знатью и особенно подружился съ извѣстнымъ своею благотворительностію герцогомъ Орлеанскимъ и старою вдовою фельдмаршала Люксамбургъ, пріятельницею Ж. Жака Руссо: первый передалъ ему на память передъ отъѣздомъ его изъ Парижа табакерку Петра Великаго съ его финифтянымъ портретомъ, ту самую, которую государь въ бытность въ Парижѣ подарилъ дѣду его, знаменитому регенту Франціи (82);—а герцогиня Люксамбургъ, между прочими любезностями, прислала къ нему въ видѣ подарка на новый годъ золотую записную книжку съ слѣдующими стихами, нарочно для того написанными Мармонтелемъ и показывающими, что̀ именно цѣнили въ Шуваловѣ его современники:

Le souvenir est doux à l'homme heureux et sage,
Qui sût jouir de tout, et n'abuser de rien,
Et qui de la faveur fit un si bon usage,
Que même les rivaux n'en ont dit que du bien (83).

Въ это самое время посланъ былъ за границу для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ славный впослѣдствіи Дмитревскій; въ Парижѣ Шуваловъ оказывалъ ему всякаго рода пособія, и между прочимъ познакомилъ его съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Лекенемъ и актрисою Дюмениль (84).

Нѣтъ сомнѣнія, что, отправляясь путешествовать, Шуваловъ вовсе не думалъ оставаться въ чужихъ краяхъ долгое время. Онъ намѣревался жить постоянно въ Москвѣ и даже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы продали одинъ изъ петербургскихъ домовъ его, вмѣсто котораго хотѣлъ пріобрѣсти себѣ домъ въ Москвѣ, «дабы, возвратясь, если Богъ изволитъ, вмѣстѣ съ вами жить»—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ сестрѣ (отъ 27 Сентября 1763 г.). «Довольно—пишетъ онъ далѣе—жилъ въ большомъ свѣтѣ; все видѣлъ, все могъ знать, дабы еще меня счастіе суетное льстило. Прямое благополучіе въ спокойствіи духа, котораго найтить иначе не можно, какъ

(82) Эта табакерка доселѣ хранится у кн. Мих. Ѳед. Голицына, внучатнаго племянника Шувалова. См. подробности въ статьѣ Иванчина-Писарева: *Двѣ значительныя миніатюры* (Москвит. 1844. № 4, стр. 391—394).

(83) Т. е. Какъ сладко вспоминать о прошедшемъ человѣку, одаренному счастіемъ и благоразуміемъ, который умѣлъ всѣмъ наслаждаться и ничего не употреблять во зло, и который такъ пользовался счастливымъ случаемъ, что сами соперники воздавали ему похвалу.—Все предыдущее отнесено нами къ *первому* пребыванію Шувалова въ Парижѣ, но только по соображеніямъ, за вѣрность которыхъ не стоимъ.

(84) См. Дневникъ Чиновника въ Отечест. Запискахъ 1833 года.

удалиться отъ всѣхъ неизвѣстныхъ обстоятельствъ и жить съ кровными и друзьями, умѣривъ свои желанія, и довольствоваться простымъ житьемъ, никому зависти и досады не причиняющимъ. Часто обстоятельства виноваты нашему поведенію. Одинъ человѣкъ можетъ быть не любимъ и любимъ по разности состоянія. Мнѣ же, мой свѣтъ, скоро будетъ столько лѣтъ, что въ числѣ стариковъ почитаться должно. Благодарю моего Бога, что далъ мнѣ умѣренность; въ младомъ моемъ возрастѣ не былъ никогда ослѣпленъ честьми и богатствомъ: и такъ, въ совершеннѣйшихъ лѣтахъ, еще меньше быть могу. Скажу и то, что въ моемъ пути долгу, можетъ быть, не сдѣлаю, и, возвратясь, съ умѣреннымъ доходомъ, могу жить съ благопристойностью. Жалѣю только то, что вы не воспользовались моимъ счастіемъ, и ничего полезнаго для васъ не сдѣлалъ, сколько бъ сдѣлать могъ. Меня утѣшаетъ ваша безкорыстность. Вы лучше любите справедливость всего. Естьли есть люди, которые вымышляютъ мое богатство, то вѣрьте, есть и тѣ, которые правду знаютъ. Осталось мнѣ во утѣшеніе, что рано или поздно отъ всѣхъ оная извѣстна будетъ. Въ отсутствіи моемъ главное утѣшеніе: пріобрѣсти знакомство достойныхъ людей, утѣшеніе, мнѣ до сего времени неизвѣстное. Всѣ друзья мои, или большею частью, были только—моего благополучія. Теперь собственно мои».—Въ Парижѣ Шуваловъ прожилъ около года. Чувство патріотизма, а всего болѣе нѣжная привязанность къ родственникамъ, изъ которыхъ особенно любилъ онъ сестру, кн. Голицыну, звали его на родину. Въ Ноябрѣ 1764 года въ Петербургѣ ожидали его возвращенія ([85]).

Обстоятельство, которое можно назвать случайнымъ, неожиданно задержало его въ чужихъ краяхъ. Онъ узналъ, что Екатерина неблагосклонно отозвалась о немъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ. Дѣло въ томъ, что государынѣ доложили, будто Шуваловъ гдѣ-то въ большомъ свѣтѣ очень хвалилъ княгиню Дашкову и приписывалъ ей почти исключительно весь успѣхъ событій 28 Іюня 1762 года. Не знаемъ, на сколько тутъ было правды; но этотъ слухъ раздосадовалъ Екатерину, въ то время еще не успѣвшую утвердить свою славу и забыть недавнія неудовольствія съ самою кн. Дашковой, которая, какъ извѣстно, не отличалась скромностью въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ. Екатерина не была

(85) См. Записки Порошина, стр. 161.

равнодушна къ тому, что говорили о ней за границей, въ высшихъ кружкахъ парижскаго общества, и особенно въ первые годы своего царствованія. Шуваловъ долженъ былъ раздѣлить участь кн. Дашковой: рѣзкій, вырвавшійся въ пылу досады, отзывъ государыни, сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ, и не оставлялъ Шувалову никакого сомнѣнія, что ему не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, являться ко двору (86). Вслѣдъ за тѣмъ онъ испросилъ себѣ дозволеніе продолжать путешествіе. Одинъ изъ его знакомыхъ писалъ къ нему по этому случаю: «Ваше превосходительство, получа дозволеніе продолжать вашъ вояжъ, спѣшить возвращеніемъ въ отечество нужды уже большой не имѣете, хотя бъ оное съ прибылью отечеству было, когда бы вы опредѣлиться къ дѣламъ намѣреніе приняли. Не причтите моей мысли, касающейся до васъ и вашихъ отличныхъ достоинствъ, за привѣтствіе. Я и нужды льстить вамъ не имѣю, и такъ бы миновать могъ комплиментъ написать. Si on veut, on fera très bien, Monsieur, je le répète encore, de vous rappeler en employant v. e. selon vos désirs.» Впрочемъ, прибавляетъ осторожный корреспондентъ, покорно прошу наблюдать при перепискѣ моей съ вами: письма мои огню предавать; я тоже со всѣми чиню» (87).

Чуждый честолюбія, Шуваловъ покорился судьбѣ. Онъ еще прежде писалъ сестрѣ своей (отъ 2 Авг. 1763 г. изъ Вѣны): «Письмо ваше, матушка, писанное изъ Петровскаго (подмосковная деревня Голицыныхъ), получилъ. Радуюсь, что вы лучше въ своемъ здоровьѣ, и васъ сельская жизнь веселитъ. Совершенно, что можетъ лучше способствовать къ спокойствію нашего духа, отъ котораго много тѣло наше зависитъ, чтобъ быть въ свободѣ, въ здоровомъ воздухѣ и съ людьми, которыхъ поведеніе не принуждено обстоятельствами дѣлать притворство? Сія жизнь, которая меня льститъ. Дай Господи Боже, чтобъ я могъ симъ утѣшеніемъ пользоваться. Если Богъ изволитъ, буду живъ, и возвратясь въ мое отечество, ни о чемъ иномъ помышлять не буду, какъ весть тихую и безпечную

(86) Это любопытное извѣстіе, которымъ совершенно объясняется 15-лѣтнее отсутствіе Шувалова, сообщено по достовѣрному преданію графомъ Д. Н. Б. Къ сожалѣнію мы не могли доискаться, къ кому именно писала Екатерина о своемъ неудовольствіи противъ Шувалова.

(87) См. Москв. 1845. № 7, стр. 33. Письмо изъ Варшавы, по всему вѣроятію отъ кн. Н. В. Рѣпнина.

жизнь; удалюсь отъ большаго свѣта, который довольно знаю. Конечно не въ немъ совершенное благополучіе почитать надобно; но собственно въ себѣ и въ маломъ числѣ людей, родствомъ или дружбою со мною соединенныхъ. Прошу Бога только о томъ; вѣрьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могутъ.» Побывавъ въ Лондонѣ (88), онъ отправился въ Италію и поселился на постоянное житье въ Римѣ.

Шуваловъ прожилъ въ Римѣ около 8 лѣтъ сряду, за исключеніемъ короткихъ отлучекъ въ Неаполь, куда онъ ѣзжалъ на богомолье говѣть въ тамошней греческой церкви. Римская жизнь тихая и безпечная, вполнѣ пришлась ему по сердцу. «Дни, мой свѣтъ, такъ хороши, пишетъ онъ сестрѣ отъ 22 Декабря 1770 г. — что у меня теперь окошки открыты; представьте, какой климатъ! Я, благодаря Бога, весь годъ безъ малаго припадку. Домъ у меня прекрасной положеніемъ и уборами. Одинъ чувствительный недостатокъ, что разлученъ съ вами. Сіе только лишаетъ исполненія моего желанія, которое въ спокойной состоитъ жизни.» Или въ другомъ письмѣ (отъ 20 Окт. 1770 года): «Здѣсь въ Римѣ веселіевъ, забавъ нѣтъ; но жизнь весьма спокойная. Моя охота къ художествамъ и обхожденіе съ иностранными и съ малою частію здѣшнихъ господъ—все мое удовольствіе». Говорятъ, что въ Римѣ онъ постоянно окруженъ былъ художниками, которые очень уважали его. Онъ самъ любилъ заниматься рѣзьбою на мѣди, и выгравировалъ собственный портретъ свой.

Ближайшее знакомство съ памятниками искусствъ и безпрестанное обращеніе съ римскими художниками внушили Шувалову мысль основать въ Римѣ особую академію для Русскихъ. Онъ написалъ о томъ въ Петербургъ и указывалъ на примѣръ французскаго двора, который учредилъ въ Римѣ подобное заведеніе. Но тогдашній начальникъ петербургской академіи художествъ, И. И. Бецкій по чему-то не согласился на это. Однако Шуваловъ успѣлъ оказать распространенію вкуса въ Россіи существенную пользу. Онъ выпросилъ у папы дозволеніе снять формы съ лучшихъ римскихъ статуй и послалъ ихъ вмѣстѣ съ формами, снятыми по его же распоряженію во Флоренціи и Неаполѣ, въ петербургскую академію художествъ: формы для прочности вылиты были изъ чугуна (89). Бецкій на этотъ разъ не противорѣчилъ.

---

(88) См. Порошина, стр. 267.

(89) Къ сожалѣнію эти формы впослѣдствіи были утрачены См. Кратк. истор. свѣдѣнія о состояніи имп. академіи художествъ, Спб. 1829.

Дозволеніе снять формы со статуй было весьма лестнымъ знакомъ уваженія, какъ къ Россіи вообще, такъ и въ частности къ Шувалову, ибо не задолго передъ тѣмъ одинъ изъ вѣнценосцевъ не могъ добиться этого ([90]). Вообще Шуваловъ имѣлъ въ Римѣ много связей, особливо между иностранными министрами. Щедрость привлекала къ его дому низшее народонаселеніе; свѣдѣнія въ искусствахъ и гостепріимство сближали его съ художниками, а любезность и то, что̀ называютъ пріятнымъ обращеніемъ, располагали въ его пользу высшее общество. Императоръ Іосифъ II, жившій нѣсколько времени въ Римѣ, оказывалъ Шувалову особенное расположеніе и всюду возилъ его съ собою, что̀ впрочемъ легко объяснить и тогдашнимъ сближеніемъ Австріи съ Россіею ([91]).

Римскія связи дали возможность Шувалову принести пользу отечеству и въ политическомъ отношеніи. Онъ помогалъ графамъ Орловымъ, когда они изъ Италіи подготовляли возстаніе Грековъ и обезпечивали свои успѣхи въ предѣлахъ турецкаго царства. Въ другой разъ, Шуваловъ успѣлъ исполнить личное порученіе Екатерины, которое сообщилъ ему присланный отъ графа Панина курьеръ. Дурини, папскій нунцій въ Варшавѣ, дѣйствовалъ вопреки русскимъ интересамъ; императрица поручила Шувалову исходатайствовать у папы (Климента XIV) удаленіе Дурини изъ Варшавы. Папа не только исполнилъ желаніе Екатерины, но даже предоставилъ Шувалову самому выбрать новаго нунція, изъ людей, лично ему извѣстныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ мѣсто Дурини занялъ нѣкто Гримпи, человѣкъ самый миролюбивый и смиренный.

Императрица благодарила за это Шувалова письмомъ, которое очень обрадовало его. «Не знаю, мой свѣтъ—пишетъ онъ сестрѣ отъ 12 Мая 1770 г.—получили ли вы копію съ письма ко мнѣ ея величества, въ которомъ всемилостивѣйше оказываетъ свое удовольствіе о исполненіи порученныхъ мнѣ комиссіевъ? Еще нынѣ имѣю свидѣтельство новое отъ И. И. Бецкаго о ея ко мнѣ благоволеніи». Нѣсколько позднѣе (1773 г.) онъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

---

(90) См. Кн. Голицына: *Жизнь об. камер. Шувалова.* стр. 94. «Незадолго передъ симъ подобное отказано было нѣкоторому государю». Кому именно, не знаемъ, можетъ быть Густаву III, который слылъ любителемъ художествъ и жилъ въ Римѣ.

(91) Тамъ же стр. 94. Это было въ 1769 г. Іосифъ пріѣзжалъ въ Римъ на выборы новаго Папы Климента XIV.

Послѣ этого Шуваловъ могъ спокойно возвратиться въ Петербургъ; но теперь, если не ошибаемся, его удерживало за границею родственное обязательство, которое онъ принялъ изъ дружбы къ сестрѣ своей. Сынъ сей послѣдней, молодой князь Ѳ. Н. Голицынъ (1751—1827) путешествовалъ по Европѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ; холостой Шуваловъ рѣшился руководить его воспитаніемъ. «Мнѣ хотѣлось — пишетъ онъ къ его матери, отъ 9 Іюня 1770 г. изъ Рима, — чтобы онъ со мною Францію, также и Англію видѣлъ, гдѣ надобно конечно такой человѣкъ, который бы молодаго поведенія надзиралъ, и гдѣ столько разныхъ забавъ,—раздѣлялъ бы его время на пріятное и полезное. Кажется, не за чѣмъ ѣздить, естьли только знать театры и наизусть имена танцевъ и комедіантовъ, и не зная прямо націи, давать о ней иное понятіе. Въ таковомъ обстоятельствѣ многіе молодые люди, которые ѣздятъ смотрѣть свѣтъ, и которые, вмѣсто пользы, возможный вредъ пріобрѣтаютъ. Я не знаю опаснѣйшихъ мѣстъ, какъ Лондонъ и Парижъ, для молодости; видѣлъ жалостныя слѣдствія со многими; и для того мнѣ весьма хотѣлось, чтобъ племянникъ со мною вмѣстѣ въ обоихъ оныхъ мѣстахъ былъ. Италія наскучила обоимъ: кромѣ климата, художествъ, ничего нѣтъ; и естли бъ не домы иностранныхъ министровъ, то бъ не знали, что̀ дѣлать. Здѣсь всѣ иностранные министры мои пріятели, по чему сынъ вашъ часто въ сихъ домахъ обѣдаетъ и пр.»

Но это намѣреніе по чему-то не исполнилось. Князь Голицынъ уѣхалъ учиться въ Женеву (92), а Шуваловъ оставался въ Италіи еще около трехъ лѣтъ.

Въ исходѣ 1773 г. онъ рѣшился наконецъ отправиться въ путь, и, проѣздомъ черезъ Швейцарію, посѣтилъ Вольтера въ богатомъ помѣстьѣ его близъ Женевы.

Сношенія Шувалова съ Вольтеромъ, начавшіяся по поводу исторіи Петра Великаго, послѣ изданія сей послѣдней, почти совсѣмъ прекратились. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ они писали другъ къ другу очень рѣдко. Настоящаго сближенія, разумѣется, не могло между ними возникнуть; ибо для этого мало было вольтеровой любезности и блестящаго литературнаго таланта. Къ тому же Шуваловъ конечно успѣлъ наслышаться о личныхъ свойствахъ философа. Не

---

(92) См. письмо Вольтера къ Шувалову отъ 7 Іюня 1772.

задолго до того времени, о которомъ теперь идетъ рѣчь, племянникъ его кн. Голицынъ, заѣзжалъ къ Вольтеру въ Фернеи. Онъ былъ принятъ, какъ нельзя лучше; но по чему-то Вольтеръ заставилъ его нѣсколько дней дожидаться письма къ Шувалову. Въ одно утро слуга принесъ князю тетрадку для прочтенія. Это была знаменитая сказка о Бѣломъ Быкѣ. Вольтеръ дарилъ экземпляръ ея своему гостю. Но сей послѣдній не захотѣлъ взять ее съ собою, и по отъѣздѣ его тетрадь нашли на столѣ въ комнатѣ, которую онъ занималъ ([93]). По этому поступку 22-лѣтняго племянника Вольтеръ могъ заключать о мысляхъ его дяди и воспитателя. При всемъ уваженіи къ талантамъ Вольтера, при всей мягкости своего характера, благочестивый Шуваловъ не могъ мириться съ его мнѣніями и долженъ былъ чувствовать отвращеніе къ его цинизму и кощунству.

Но понятно, что, проѣзжая Швейцарію, Шуваловъ не захотѣлъ пропустить удобнаго случая и отправился въ Фернеи посмотрѣть вблизи на европейскую славу. Кромѣ того ему слѣдовало побывать у Вольтера, который столько разъ приглашалъ его къ себѣ, слѣдовало соблюсти правила вѣжливости, поблагодарить за его любезности и за ласковый пріемъ, который находили въ его замкахъ кн. Голицынъ и молодой графъ Андрей Шуваловъ. Наконецъ надо замѣтить, что въ эту пору поѣздки въ Фернеи сдѣлались модою тогдашнихъ знатныхъ путешественниковъ. Путешествовать по Европѣ и не заѣхать въ Фернеи значило быть въ Римѣ и не видать папы.

Проѣзжая по Швейцаріи, Шуваловъ наконецъ посѣтилъ Вольтера, именно въ второй половинѣ Ноября 1773 года, и прожилъ въ Фернеѣ около двухъ недѣль. Подробности о свиданіи русскаго вельможи съ дряхлымъ, но все еще остроумнымъ философомъ (которому тогда было 79 лѣтъ) намъ неизвѣстны; но Вольтеръ въ письмахъ къ друзьямъ отзывался о гостѣ своемъ съ великою похвалою. « У насъ теперь въ Фернеѣ Шуваловъ, писалъ онъ къ Даламберту отъ 19 Ноября 1773 года; это одинъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, какихъ я когда либо видѣлъ. Встрѣча съ Русскими постоянно убѣждаетъ меня, что Аттила былъ человѣкъ пріятный и что сестра императора Гонорія поступила благоразумно, рѣшившись быть его супругою.» Въ половинѣ Марта слѣдующаго года снова

---

(93) См. Серчевскаго: *Записки о родѣ князей Голицыныхъ*. Спб. 1853, стр. 12. Тутъ также сообщено (стр. 168) странное извѣстіе, будто княгиня Прасковья Ива-

видимъ Шувалова въ Фернеѣ (94). Въ это самое время Вольтеръ получилъ изъ Петербурга отъ графа Андрея Петровича Шувалова знаменитые французскіе стихи его, *Посланіе къ Нинонъ* (Epître à Ninon l'Enclos) (95). Эта присылка безъ сомнѣнія оживила фернейское общество, ибо стихи такъ хороши, что въ послѣдствіи ихъ приписывали самому Вольтеру, и кромѣ того въ нихъ восхвалялась славная своею красотою, любезностью и легкимъ поведеніемъ Нинона (1616—1706), которая, какъ извѣстно, была первою покровительницею Вольтера, и въ дѣтствѣ его подарила ему библіотеку. И. И. Шуваловъ немедленно отправилъ литературную новинку въ Женеву и приказалъ напечатать ее въ числѣ около 40 экземпляровъ. Кто читалъ посланіе къ Нинонѣ, тому конечно покажется страннымъ, что благочестивый Шуваловъ рѣшился быть издателемъ произведенія, которое самъ Вольтеръ называетъ *un peu licencieux et un peu téméraire* (нѣсколько вольнымъ и дерзкимъ). Но Шуваловъ не могъ стать выше слабостей своего вѣка. Ему пріятно и лестно было, что Русскій, и при томъ его племянникъ, не уступаетъ въ знаніи французскаго языка лучшимъ писателямъ Франціи. Съ другой стороны, напечатавъ посланіе къ Нинонѣ, Шуваловъ вѣроятно желалъ взаимно оказать любезность своему хозяину, о которомъ авторъ посланія такъ выражается при описаніи общества и образа жизни Нинона:

«C'est ainsi qu'à Ferney j'ai vu ton légataire,
Socrate le matin, et le soir Sainte-Aulaire,
N'offrir à nos regards qu'un mortel enchanteur
Qui tour à tour sait peindre et goûter le bonheur.
Un ton délicieux, la légère saillie,
Amoncelaient des fleurs sur l'hiver de sa vie.
Quel convive jamais put s'égaler à lui?
Entouré des beaux-arts, dont il fut seul l'appui,

ковна Голицына была внучкою какого-то графа Ивана Θедоровича Шувалова, воспитателя Петра III-го.

(94) О времени, когда именно Шуваловъ заѣзжалъ къ Вольтеру, есть подробное изслѣдованіе въ статьѣ С. Д. Полторацкаго: *Les deux Chouvalof* (см. Bulletin du bibliophile belge. 1849. № 3, стр. 130—134).

(95) См. тамъ же. стр. 126—130 и письма Вольтера къ барону Констанъ де Ребекъ отъ 11 Апрѣля 1774 г. и къ Делилю отъ 18 Апрѣля того же года. Во Франціи всѣ были увѣрены, что стихи къ Нинонѣ принадлежатъ Вольтеру. Кто-то напечаталъ даже *Отвѣтъ Нинона Вольтеру*. Посланіе къ Нинонѣ между прочимъ было напечатано въ перепискѣ Гримма съ Дидротомъ, Paris 1829—1831, T. VIII. стр. 292—296.

Il penche sur leur sein sa tête octogénaire;
Sa Muse, en cheveux gris, paraît toujours légère ([96]).

Къ сожалѣнію не имѣемъ извѣстій о бесѣдахъ Шувалова съ Вольтеромъ. Сохранился только, по преданію, отвѣтъ его на замѣчаніе Вольтера, что Петръ и Екатерина сблизили Россію съ Европою. «Нѣтъ, сказалъ Шуваловъ, они Европу приблизили къ Россіи.»

Годъ спустя, Вольтеръ вспоминалъ Шувалову о свиданіи съ нимъ (въ письмѣ отъ 28 Мая 1775): «У насъ въ Фернеѣ постоянно сожалѣютъ о вашемъ отъѣздѣ. Мы не знаемъ, вѣроятно также какъ и вы, когда вы поѣдете назадъ въ вашу страну чудесъ. Я непремѣнно отправился бы повидаться съ вами на пути, если бъ дозволило то мое здоровье... Утѣшаюсь мыслью о вашемъ добромъ расположеніи. Г-жа Денисъ проситъ передать вамъ чувства, которыя вы привыкли всѣмъ внушать. Молодая монахиня ([97]) безпрестанно занята вами; она обожаетъ васъ, и увѣрена, что климатъ въ Россіи даже лучше, чѣмъ въ Неаполѣ.»

Безъ сомнѣнія Шуваловъ успѣлъ узнать настоящую цѣну подобныхъ изъявленій. Хотя впослѣдствіи онъ и отзывался Екатеринѣ, что старой философъ обворожилъ его ([98]), но конечно слова эти относятся лишь ко внѣшнимъ пріемамъ общежитія и свѣтской любезности. Болѣе правды въ словахъ Шувалова, которыя позднѣе слыхали отъ него въ откровенной и простой бесѣдѣ: я прожилъ въ Фернеѣ до двухъ недѣль, говорилъ онъ, и съ тѣхъ поръ много убыло моего уваженія къ Вольтеру ([99]).

---

(96) Т. е. «Въ своемъ завѣщаніи ты не забыла фернейскаго обитателя. Я его тамъ видѣлъ, этаго чародѣя, Сократа по утру и Сентъ-Олера ввечеру, равно умѣющаго описывать счастіе и пользоваться имъ. Нѣжный вкусъ, веселое остроуміе украсили цвѣтами зиму лѣтъ его. Кто могъ сравниться съ нимъ въ застольныхъ бесѣдахъ? онъ одинъ защищалъ изящныя искусства, и теперь, окруженный ими, покоитъ на ихъ лонѣ свою восьмидесятилѣтнюю голову. Его сѣдовласая муза, кажется, никогда не теряетъ своей живости.»—С.Олеръ, французскій генералъ, отличный собесѣдникъ, на 60-мъ году жизни прославившійся однимъ анакреонтическимъ стихотвореніемъ.

(97) Дѣвица Де Варикуръ, вышедшая потомъ за Де Виллета.—Примѣч. Бёшо, издателя вольтеровыхъ сочиненій.

(98) Письмо Екатерины къ Вольтеру отъ 23 Ноября 1777 г.

(99) Записки Тимковскаго, стр. 61. Тутъ же записано со словъ Шувалова: «Временные посѣтители очень часто бывали у Вольтера, напередъ запасаясь, чѣмъ занять его. Явился одинъ нѣмецкій графъ, и на вопросъ, какая его часть, похвалился, что онъ знаетъ пять языковъ, Это, сказалъ Вольтеръ, имѣть много ключей къ одному замку. C'est avoir plusieurs clefs pour une même serrure. Какое же употребленіе даете вы

Переѣзды по Швейцарiи остались памятны Шувалову и въ другомъ отношенiи. Въ одномъ мѣстѣ въ горахъ карета его повисла надъ глубокою пропастью. Шувалова спасъ огромный русскiй гайдукъ его, успѣвшiй поддержать плечами скользившую въ пропасть карету. Этотъ случай впослѣдствiи послужилъ содержанiемъ одной картинѣ, которую видали въ петербургскомъ домѣ Шувалова. Гайдукъ съ тѣхъ поръ получалъ пенсiю.

Изъ Швейцарiи Шуваловъ съ кн. Голицынымъ прiѣхалъ въ Парижъ весною 1774 г., въ самое тревожное время. Людовикъ XV умиралъ, и вмѣстѣ съ нимъ кончалось позорное владычество графини Дюбарп, къ которой наши путешественники еще должны были съѣздить на поклонъ, повинуясь общему обычаю, раздѣляя и въ этомъ отношенiи неразборчивость большаго свѣта. Высшее общество, посреди котораго они поселились, постоянно находилось въ безпокойномъ ожиданiи новаго царствованiя. Изъ оконъ квартиры своей противъ дворца, Шуваловъ узнавалъ о здоровьи короля по числу экипажей, которые стѣснялись то у большаго подъѣзда королевскаго, то близь покоевъ дофина. Дядя и племянникъ были свидѣтелями произшедшей перемѣны (Людовикъ XV умеръ 10 Мая 1774). Они принимали участiе въ погребальныхъ церемонiяхъ, равно и въ празднествахъ новаго царствованiя. Привычка къ утонченнымъ прiемамъ общежитiя, образованность, необыкновенная свѣтская любезность, и самая слава бывшаго временщика, открывали Шувалову входъ въ лучшiе парижскiе кружки. Но подробностей о тамошнемъ образѣ его жизни сохранилось мало (100). Знаемъ только, что Шуваловъ бывалъ у г жи Дю-Деффанъ, въ то время уже слѣпой старухи, которая извѣстна была своею перепискою съ философами и дружбою съ Горасомъ Вальполемъ, все еще собирала въ своей гостиной ученыхъ и писателей, и сама сочиняла стихи (101).

вашимъ языкомъ?—Я говорю на всѣхъ, и проч.—Случалось, что онъ середи разговора посѣтителей останавливался. Голова у меня болитъ, говорилъ онъ, пойду стихи писать, и съ тѣмъ уходилъ.»

(100) Впослѣдствiи Шуваловъ разсказывалъ, вспоминая жизнь свою въ Парижѣ: «Тамъ такая стихiя чванства высокаго и мелочнаго, важнаго и пустаго, что не розойдешься съ нимъ. Папятой поваръ, Флёре, или Форле, когда прiятели мои, званые къ обѣду, просили показать имъ русскiя блюда, отказался подать на столъ жаренаго гуся. —Весь свѣтъ знаетъ, что у мосье Шуваловъ поваръ Флёре, и подалъ на столъ жаренаго гуся,-Флёре пропалъ.—Да я хочу!—Извините меня или отпустите.—Мой поваръ между тѣмъ, дѣлая кнедопи, какiя у меня, нажилъ хорошiя деньги» См. Зап. Тимк.

(101) Письмо Вольтера къ Делилю отъ 18 Апрѣля 1774 г. и переписка Гримма

Новый король и Марія Антуанета принимали его въ своемъ избранномъ обществѣ, на такъ называемыхъ маленькихъ суботнихъ вечерахъ, которые завела королева, особенно ласкавшая молодаго князя Голицына ([102]). Однимъ словомъ къ Шувалову по справедливости можно отнести стихи Пушкина:

Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Резвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы.
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты; за твой суровый пиръ
То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ.
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею ль деисту,
Какъ любопытный Скиоъ аѳинскому софисту.

Наконецъ послѣ долгаго отсутствія, въ Сентябрѣ 1777 года, Шуваловъ возвратился на родину ([103]). Хотя уже давно онъ утратилъ великое вліяніе, но еще много было людей, которые пользовались его покровительствомъ и благодѣяніями. Слава мецената и благотворителя всюду его сопровождала, и возвращеніе его въ Россію носитъ какой-то торжественный характеръ. Нѣсколько стихотвореній явилось въ печати по этому случаю, въ Москвѣ и Петербургѣ ([104]). Изъ нихъ особенно замѣчательно по благородству тона и смѣлости мыслей стихотвореніе Державина, въ то время еще вовсе неизвѣстнаго

въ Дидеротомъ т. VIII, стр. 364, гдѣ приведена эпиграмма г-жи Дю-Деффанъ на герцога Шуазеля.

(102) См. обо всемъ этомъ вышеуказанную статью Н. Писарева: *Двѣ знач. миніатюры*, стр. 392.

(103) Въ Воскресенье, 17 Сент., какъ обозначено въ современныхъ вѣдомостяхъ.

(104) См. у Сопикова, NN 11371, 11420, 11421, 7327 (Кострова), 3743, 11419 и проч.

чиновника, только что вступавшаго на литературное поприще. Державинъ напечаталъ безъимянное посланіе къ Шувалову, въ которомъ отъ имени Россіи говорятъ ему:

«Я сколько лѣтъ тебя, любезный сынъ, не зрѣла!
«И видѣть ужь тебя надежды не имѣла;
«Просила небеса, чтобъ ты во здравьи жилъ:
«По днесь ты возвращенъ, ты радость въ душу влилъ...
«Но коль ты сердцемъ чуждъ отъ чуждыхъ странъ пришелъ,
«Не стоишь ласкъ моихъ, которыя нашелъ!»
Нѣтъ, прежнюю въ тебѣ мы узримъ добродѣтель,
Шуваловъ! коей всякъ изъ Россовъ былъ свидѣтель;
Во дни минервины, въ екатеринин вѣкъ,
Еще полезнѣе полезной человѣкъ (105).

При дворѣ его приняли отлично. Время давно сгладило бывшія неудовольствія. Императрицѣ пріятно было увидать давнишняго своего знакомца: она знала, какъ уважали его въ чужихъ краяхъ. Его образованность, близкое знакомство съ первыми людьми Европы, знаніе иностранныхъ дворовъ и политическихъ отношеній, все давало ему право на вниманіе и отличіе. Въ самый день пріѣзда государыня послала князя Орлова звать его на завтра во дворецъ и поспѣшила сдѣлать ему пріятное, назначивъ возвратившагося съ нимъ молодаго кн. Голицына своимъ камеръ-юнкеромъ. Орловъ и Потемкинъ спорили между собою, кому изъ нихъ представлять Шувалова императрицѣ. Нарочно было назначено вечернее собраніе или такъ называемый эрмитажъ *для такого дорогаго гостя*, какъ выразилась Екатерина. Въ теченіи нѣкотораго времени она безпрестанно съ нимъ видалась, разспрашивая его о чужихъ краяхъ, разсказывая ему о новыхъ учрежденіяхъ въ Россіи, требуя отъ него мнѣній и замѣчаній. По всему видно, что Екатерина любовалась трудами своими, видя, какъ изумлялся Шуваловъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Россіи въ 15 лѣтъ ея правленія.—Въ первые же дни по пріѣздѣ, разговаривая съ нимъ, Екатерина вдругъ сказала: «Иванъ Ивановичъ, я знаю, что ты не богатъ».—«Слова эти уже дѣлаютъ меня богатымъ», отвѣчалъ съ поклономъ Шуваловъ.

---

(105) Эта во многихъ отношеніяхъ замѣчательная *Эпистола* была напечатана особою тетрадкою, и не попала въ собранія сочиненій Державина, кромѣ перваго, весьма рѣдкаго (Москва 1798 г.) Авторъ въ концѣ намекаетъ Шувалову, что онъ учился въ Казани, и ему обязанъ своимъ образованіемъ.

Позднѣе, нечаянно узнавъ чрезъ графа Строганова, что денежныя обстоятельства Шувалова плохи, и что онъ даже продавалъ нѣкоторыя вещи, Екатерина поспѣшила выдать ему единовременно 10,000 р. и назначила 6000 р. такъ называемыхъ столовыхъ. Разумѣется, и этого не доставало щедрому другу бѣдныхъ и плохому хозяину. Съ деревень своихъ онъ не могъ получить многаго. Разъ, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ онъ продать одну изъ нихъ: крестьяне явились со взносомъ, прося, чтобъ онъ оставилъ ихъ за собою, и говоря, что имъ не нажить такого добраго барина. Въ другой разъ ему понадобилось вдругъ около 10 тысячь. Желая скорѣе получить ихъ, онъ настаивалъ, чтобъ у него купили за эту сумму подмосковное село его Знаменское, тогда какъ оно стоило несравненно дороже.

Милости государыни не прекращались до конца. Онъ назначенъ былъ оберъ-камергеромъ, получилъ ордена андреевскій и владимірскій 1-й степени, и продолжалъ считаться кураторомъ Московскаго Университета. Важнаго значенія при дворѣ, разумѣется, онъ уже не имѣлъ, оставаясь представителемъ временъ прошедшихъ и будучи просто однимъ изъ любимыхъ собесѣдниковъ государыни, которая всегда приглашала его къ себѣ на вечера и игрывала съ нимъ въ ломберъ. Шуваловъ въ числѣ немногихъ приближенныхъ лицъ ѣздилъ съ Екатериною въ Крымъ. Разъ только государыня разгнѣвалась на него, когда ей донесли, будто профессора и студенты Московскаго Университета участвуютъ въ обществѣ Мартинистовъ. Выслушавъ строгіе упреки, Шуваловъ сталъ на колѣни, клятвенно увѣрялъ въ несправедливости обвиненія, и защищалъ благонамѣренность своихъ подчиненныхъ. Государыня успокоилась, и отпустила отъ себя Шувалова, прибавивъ, что полагается въ этомъ случаѣ на него ([106]).

Доселѣ обстоятельства мѣшали Шувалову осмотрѣть Московскій

(106) Любопытно было бы знать, находился ли Шуваловъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Къ сожалѣнію доселѣ не обнародованы бумаги, относящіяся до управленія Московскимъ Университетомъ въ то время. Изъ того, что удавалось намъ видѣть въ рукописяхъ, заключаемъ, что и тутъ Шуваловъ дѣйствовалъ преимущественно какъ посредникъ и примиритель: такъ напр. онъ старался прекратить неудовольствія, возникшія между кураторомъ Мелиссино и типографскимъ дружескимъ обществомъ. Наклонности къ мистицизму Шуваловъ не имѣлъ, и впослѣдствіи доказывалъ его безполезность, ссылаясь на мнѣніе князя Н. В. Репнина, который, долго покровительствуя мартинистамъ, передъ смертью взялъ обѣщаніе съ своего внука не приступать къ ихъ обществу.—Позднѣе Шувалову поручено было переговорить съ Невзоровымъ, задержаннымъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ. См. Русскую Бесѣду 1856, кн. 3-я, стр. 91.

Университетъ. Онъ не присутствовалъ при его учрежденіи и не былъ въ немъ до самаго 1778 года. По возвращеніи изъ-за границы онъ поспѣшилъ отправиться въ Москву, гдѣ строился тогда большой его домъ на Покровкѣ, для котораго онъ присылалъ планы еще изъ Италіи, и который принадлежитъ теперь кн. М. Ѳ. Голицыну. Въ 1779 году 3 Іюня въ первый разъ видимъ его въ Университетѣ: онъ присутствовалъ на актѣ и самъ раздавалъ медали и шпаги студентамъ. Въ Іюнѣ слѣдующаго года онъ показывалъ Университетъ императору Іосифу и князю Потемкину. 17 Іюля 1783 года онъ во второй разъ былъ на университетскомъ актѣ, и по этому случаю далъ большой обѣдъ въ новомъ своемъ домѣ. Въ эти посѣщенія онъ особенно заботился о построеніи теперешняго университетскаго дома на Моховой, и благодаря его стараніямъ извѣстный богачь П. А. Демидовъ пожертвовалъ для этой цѣли большія суммы ([107]). Тогда же Шуваловъ замѣтилъ дарованіе Кострова, который читалъ одну изъ торжественныхъ одъ своихъ на актѣ Университета. Онъ вывелъ бѣднаго поэта изъ неизвѣстности, обратилъ на него вниманіе императрицы и оказывалъ ему всякаго рода помощь: Костровъ трудился надъ переводомъ Иліады, живя въ домѣ Шувалова ([108]).

Въ послѣдніе годы своей жизни Шуваловъ, сколько знаемъ, уже не принималъ непосредственнаго участія въ управленіи Университетомъ: къ нему относились только въ самыхъ важныхъ дѣлахъ.— Однажды, въ присутствіи государыни, зашла рѣчь о просвѣщеніи. Потемкинъ сталъ говорить о необходимости учредить еще нѣсколько университетовъ; Завадовскій, который завѣдывалъ въ то время народными училищами, возразилъ ему, что изъ Московскаго Университета все еще не вышло ни одного славнаго ученаго. Тогда Потемкинъ, обратившись къ Шувалову сказалъ: « Даромъ, ваше превосхо-

---

(107) Обо всемъ этомъ подробнѣе въ Исторіи Университета, стр. 113, 247 и 251. *Въ Благонамѣренномъ* (1825, № 5, стр. 88-191) напечатано письмо Демидова къ Шувалову, исполненное разныхъ намековъ и странностей. Кажется, они не знали, кому первому ѣхать съ визитомъ. Знаменитый чудакъ писалъ: « Батюшка мой! вы меня давно знаете, что я глупъ: на что со мною такія тонкости, которыхъ я не разумѣю? Все догадывайся, обо всемъ мучься; что за житье! Вѣдь все равно и безъ догадокъ, а лучше по человѣколюбію изъясниться » и пр.

(108) См. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева, стр. 11; также соч. Пушкина, т. V, стр. 52. Костровъ написалъ нѣсколько одъ въ честь Шувалова, и кромѣ того Идиллію Каллидоръ, на день его имянинъ 13 Ноября 1781 г.

дительство, что вы меня за наказаніе выгнали изъ Университета, а я не перестану быть ему благодарнымъ и своимъ Поповымъ изъ него весьма доволенъ» (В. С. Поповъ управлялъ канцеляріею Потемкина).—Какъ, князь, спросила Екатерина, васъ выгнали?—Точно такъ, отвѣчалъ Потемкинъ, изъ его гимназіи.—Шуваловъ смѣшался, и сталъ говорить, что не помнитъ этого. Но Екатерина поспѣшила ободрить его. «Ученость сама себя знаетъ, когда и какъ происходитъ, сказала она, но для меня и то уже много, что съ тѣхъ поръ, какъ изъ Университета люди вошли въ дѣла, я стала понимать приходящія бумаги» ([109]).

Съ 1787 г., по возвращеніи изъ Крыма, Шуваловъ жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ вмѣстѣ съ сестрою своей кн. Голицыной и ея семействомъ, въ богатомъ домѣ на Невскомъ Проспектѣ, окруженный книгами, статуями, картинами. У него постоянно собирались образованнѣйшіе люди того времени, кн. Дашкова, Завадовскій, Храповицкій, Козодавлевъ, Сербъ Янкевичь, устроитель народныхъ училищъ, Дмитріевъ, А. С. Шишковъ, Оленинъ, Державинъ. Съ кн. Дашковой раздѣлялъ отъ труды по изданію Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова ([110]); онъ одинъ изъ первыхъ восхищался стихами Державина и содѣйствовалъ его извѣстности, распространивъ между знакомыми своими оду Фелицѣ ([111]). Державинъ любилъ вспоминать объ его покровительствѣ и увѣковѣчилъ имя его въ стихахъ своихъ. Въ 1781 онъ написалъ оду на выздоровленіе Шувалова, въ которой среди громкихъ фразъ слышенъ голосъ искренняго чувства:

И ты, другъ музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой!

---

(109) См. Зап. Тимк., стр. 63.

(110) Русское чтеніе Глинки, ч. II, стр. 303.

(111) Вотъ какъ разсказано объ этомъ въ объясненіяхъ на сочиненія Державина, ч. 2-я стр. 7. «И. И. Шуваловъ присылаетъ къ автору человѣка съ убѣдительною просьбою, чтобы авторъ пришелъ къ нему. Авторъ, пріѣхавъ къ Шувалову, находитъ почтеннѣйшаго сего человѣка въ большой заботѣ. Съ прискорбнымъ видомъ спросилъ онъ автора, что ему дѣлать, отсылать ли стихи къ кн. Потемкину, который ихъ требовалъ, или нѣтъ?—«Какіе стихи?» возразилъ авторъ.—«Мурзы къ Фелицѣ», отвѣчалъ Шуваловъ.—«Какъ вы ихъ знаете? Какъ они могли быть у васъ?»—«Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.»—«Но какъ же кн. Потемкинъ узналъ о томъ?»—«Вчера обѣдали у меня графъ Безбородко, графъ Завадовскій, Стрекаловъ и другіе любители литературы; при разговорѣ, что у насъ еще нѣтъ легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ стихи ваши, а С. изъ подслуги кн. Потемкину разсказалъ

И ты Коцита зрѣлъ ужъ воду...
« Живи, паукамъ благодѣтель!
Твоя жизнь въ вѣкъ цвѣсти должна!
Не умираетъ добродѣтель:
Безсмертна музами она » ([112]).

Но кромѣ Державина, Кострова, Фонъ-Визина, Богдановича, Хераскова, много другихъ, менѣе извѣстныхъ людей, одолжены были Шувалову содѣйствіемъ въ трудахъ, указаніемъ помощи, ободреніемъ. Отыскивать людей съ талантами и съ охотою къ ученію, и помогать имъ, было любимымъ его дѣломъ. Такъ въ 1784 г. открылъ онъ крестьянина-самоучку Свѣшникова, который изумлялъ потомъ петербургское общество отличнымъ знаніемъ многихъ языковъ и необыкновенно свѣтлымъ умомъ своимъ. Для Шувалова было счастіемъ узнать этого человѣка; онъ занимался имъ не изъ празднаго желанія толковать съ ученымъ крестьяниномъ и не изъ суетнаго честолюбія, не изъ того только, чтобы слыть меценатомъ; онъ любилъ и цѣнилъ его: портретъ тверскаго крестьянина висѣлъ у него на ряду съ портретами знаменитыхъ людей.

Знакомство Шувалова съ Свѣшниковымъ весьма замѣчательно, и мы считаемъ нужнымъ разсказать о немъ подробнѣе. Шуваловъ имѣлъ обыкновеніе гулять пѣшкомъ по городу, въ самой простой одеждѣ, такъ, чтобъ не быть замѣчену. Толки народа всегда его занимали. Видѣнное поутру служило потомъ предметомъ вечернихъ разговоровъ, и доходило до дворца ([113]). Въ одну изъ такихъ утрен-

---

ему все, что тамъ на счетъ его сказано. Не переписать ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся?» — Державинъ успокоилъ Шувалова, рѣшившись не скрывать стиховъ.

(112) См. сочиненія Державина, изд. Штукина, стр. 123: *На выздоровленіе Мецената.* По этому же случаю Костровъ сочинилъ *Дифирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ* (у Сопикова, № 3178). Державинъ же написалъ Шувалову одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: *Приглашеніе къ обѣду* (1795).

«Приди мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра».

Многіе писали въ честь Шувалова; такъ напр. А. Фрязиновскій (у Сопик. № 3743), П. Майковъ (№ 7316), Морозовъ (№ 423), князь П. М. Долгорукій (Бытіе сердца моего, стр. 33-37) и пр. Рѣчи и стихи, читанные въ разныя времена на актахъ Университета, въ воспоминаніе о немъ, собраны въ одну книгу (у Сопикова, № 9968).

(113) Такъ напр. онъ разсказывалъ Тимковскому (стр. 63): «Однажды утромъ ѣдучи во дворецъ, обошелъ я гостинный дворъ, и види въ продажѣ по лавкамъ много

нихъ прогулокъ замѣтилъ онъ на Щукиномъ дворѣ, въ одной изъ лавочекъ, гдѣ продается разное старье, молодаго крестьянина, который очень прилежно разсматривалъ какія-то разложенныя на рогожкахъ книги. Вскорѣ онъ услышалъ, что крестьянинъ торгуетъ себѣ книги. Это подстрекнуло любопытство Шувалова: завѣтная мысль о народномъ образованіи, о распространеніи грамотности въ низшихъ сословіяхъ, тотчасъ мелькнула въ головѣ его. Онъ подходитъ къ лавочкѣ и замѣчаетъ въ рукахъ крестьянина латинскихъ классиковъ, Ливія, Курція, Тацита, въ подлинникахъ. Шуваловъ непремѣнно хотѣлъ объяснить загадку. Догнавъ крестьянина въ переулкѣ, онъ заводитъ съ нимъ разговоръ, убѣждается въ его познаніяхъ, узнаётъ, что онъ экономическій крестьянинъ Тверской губерніи, торгуетъ хлѣбомъ, содержитъ цѣлую семью, въ Петербургъ пріѣхалъ по торговымъ дѣламъ, а книги читаетъ между дѣлъ, научившись первымъ основаніямъ наукъ у священника и у одного бѣднаго студента, и потомъ сдѣлавши самоучкою огромные успѣхи въ языкахъ французскомъ, латинскомъ, греческомъ и математикѣ. Все лучшее на русскомъ языкѣ было ему коротко извѣстно. Скрывая радостное изумленіе свое, Шуваловъ предлагаетъ Свѣшникову купить у него книги, оставшіяся будто послѣ отца его, школьнаго учителя, и непримѣтнымъ образомъ доводитъ его до своего дому. Тутъ, разумѣется, роли перемѣнились: смущенный крестьянинъ не могъ опомниться посреди богатыхъ палатъ; но ласковость и простота въ обращеніи побѣдили его неловкость и застѣнчивость. Кончилось тѣмъ, что Свѣшниковъ поселился въ домѣ у Шувалова, и весь предался чтенію книгъ изъ его библіотеки. Шуваловъ предлагалъ ему мѣсто при Московскомъ Университетѣ, но Свѣшниковъ не соглашался принять его, желая оставаться въ прежнемъ быту. Онъ не хотѣлъ также занять хорошей комнаты, а помѣстился въ тѣсной каморкѣ и спалъ на простомъ войлокѣ. Камердинеръ, котораго Шуваловъ за нимъ посылывалъ, всегда заставалъ его сидящаго на полу на разостланномъ кафтанѣ и обкладеннаго книгами. Многіе изъ знакомыхъ Шувалова не хотѣли вѣрить такому открытію. Шуваловъ долженъ былъ

портретовъ государыни, страшно безобразныхъ, нарочно купилъ одинъ и взялъ съ собою. —Что́ это у васъ, Иванъ Ивановичъ? спросила государыня.—Узнавайте, ваше величество. —Ахъ боже мой! это я? и тотчасъ велѣла оберъ-полицмейстеру, какіе въ лавкахъ есть безобразные портреты ея, всѣ искупить и сжечь, а впредь за тѣмъ наблюдать »

показывать имъ Свѣшникова. Ему дѣлали вопросы, на которые онъ давалъ изумительные отвѣты. Такъ кн. Дашкова экзаменовала его во французскомъ языкѣ: оказалось, что онъ коротко знакомъ былъ съ твореніями Руссо и составилъ о нихъ самостоятельное сужденіе. Шувалову очень хотѣлось, чтобъ Свѣшниковъ попытался писать стихи; два мѣсяца продолжался опытъ, и окончился неудачно: онъ не имѣлъ вовсе стихотворческаго таланта. За то нашлась въ немъ еще новая способность: онъ составлялъ цѣлыя картины изъ соломы и цвѣтныхъ мховъ. Двѣ такія картины, представляющія перспективные виды, были пріобрѣтены Шуваловомъ. — Позднѣе Потемкинъ переманилъ къ себѣ Свѣшникова обѣщаніемъ обезпечить существованіе его семейства, и увезъ съ собою въ Новороссійскій край, гдѣ онъ скоро умеръ въ Херсонѣ (114).

Образъ жизни Шувалова, домашній бытъ его въ то время, когда онъ спокойно доживалъ вѣкъ свой въ кругу любезнаго ему семейства Голицыныхъ, описанъ однимъ изъ воспитанниковъ Московскаго Университета, Ильею Ѳедоровичемъ Тимковскимъ (впослѣдствіи директоромъ Новгородъ-Сѣверской Гимназіи). Тимковскій, небогатый студентъ изъ Малороссіянъ, только что окончившій ученіе свое, былъ вызванъ на службу въ канцелярію тогдашняго генералъ-прокурора кн. Куракина. Университетомъ въ то время управляли кромѣ Шувалова еще двое другихъ кураторовъ, жившіе въ Москвѣ, Херасковъ и столько разъ упоминаемый нами кн. Ѳ. Н. Голицынъ, достойный воспитанникъ своего дяди. Онъ узналъ Тимковскаго по стихамъ, которые тотъ написалъ на новый годъ (1797), и далъ ему письмо въ Петербургъ, къ матери своей, сказавъ, чтобы онъ остановился въ домѣ его дяди. Это было великимъ поощреніемъ молодому человѣку. Но ласковость Шувалова превзошла его ожиданія. По слѣдующимъ разсказамъ мы можемъ судить, какъ вообще принималъ Шуваловъ молодыхъ талантливыхъ людей; единственное право Тимковскаго на вниманіе Шувалова

---

(114) Любопытное извѣстіе объ Иванѣ Евстратьевичѣ Свѣшниковѣ записано было Ѳ. Н. Глинкою со словъ очевидца, шуваловскаго секретаря Л. Ѳ. Людоговскаго, и напечатано въ 3-й части *Писемъ Русскаго Офицера* (М. 1815, стр 88-111). Заспоривъ у Потемкина съ однимъ равиномъ о легкости еврейскаго языка, Свѣшниковъ въ короткое время выучился этому языку. Тоже самое сообщаетъ А. С. Пушкинъ въ разсказахъ, записанныхъ имъ со словъ Н. К. Загряжской (соч. Пушкина, т. V, стр. 48-49). Но тамъ необыкновенный крестьянинъ названъ Ветошкинымъ. Вѣроятно память измѣнила на этотъ разъ знаменитой старушкѣ.

заключалось въ томъ, что будучи студентомъ, онъ отлично учился и писалъ стихи (115).

«Кибитка остановилась у дому (на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой). Швейцаръ изъ сѣней отворилъ мнѣ дверь. Я взошелъ по лѣстницѣ, какъ ѣхалъ дорогой, въ большую переднюю съ оффиціантами. Старшій понесъ мое письмо, и вышедъ проводилъ меня, черезъ середній чистый дворъ; отвелъ мнѣ двѣ готовыя комнаты во второмъ этажѣ длинной постройки, окнами въ Садовую, и привелъ ко мнѣ слугу. Кладь моя внесена. Я спѣшилъ одѣться, чтобъ явиться у княгини (Голицыной). Скоро за тѣмъ видный оффиціантъ пришелъ объявить мнѣ, что его высокопревосходительство меня ожидаетъ, и проводилъ меня въ комнаты на его половину.—А княгиня?— Она тамъ. — Всходя по лѣстницѣ въ мундирной моей формѣ и нарядной шубѣ, я почувствовалъ гармоническое движеніе въ груди моей. Предстатель музъ, твердимый изъ дѣтства! Вѣковой вельможа, извѣстный свѣту! Я его увижу.— Въ аванзалѣ, окнами на проспектъ, одѣтой по стѣнамъ сверху до низу портретами, два камерлакея, а къ дверямъ гостиной еще огромный старый камерлакей и низенькой сухой старичокъ въ черномъ кафтанѣ. Они указали дверь гостиной (116).

«Впечатлѣніе всего такъ слилось во мнѣ, что и здѣсь сладки для меня его подробности. Свѣтлая угловая комната, на востокъ и полдень, о 6 или 7 окнахъ; тамъ на лѣво, въ большихъ креслахъ у столика, окруженный лицами, сидѣлъ маститый, бѣлый старикъ, сухощавый, среднебольшаго росту, въ свѣтлосѣромъ кафтанѣ и бѣломъ камзолѣ. Разсыпанные при входѣ глаза я вперилъ въ него, подойдя мѣрно съ поклономъ, произнесъ только свое имя и нѣсколько отступилъ, съ чувствомъ какой-то радости.—Я васъ знаю, сказалъ онъ съ кроткою важностію, и перемѣня видъ: вы обидѣли мой Университетъ. — Я смѣшался, потупивъ глаза. — Вы забрали у меня столько медалей, сказалъ онъ умильно звонкосеребреною рѣчью. — Сердце мое вздрогнуло, и взоръ освѣжился.—Все ли хорошо у васъ?— Мы... всѣ... благодаримъ ваше высокопревосходительство. — Это

(115) См. Записки Тимковскаго во Москвитянинѣ 1851 г. № 20. Онѣ составлены въ преклонной старости, въ 1850 году.

(116) Это были гайдукъ, спасшій Шувалова въ швейцарскихъ горахъ и бывшій камердинеръ его французъ Бернаръ. «Оба на пенсіи, за столикомъ у дверей гостиной, вѣчное ихъ мѣсто, играли свой пикетъ», замѣчаетъ Тимк.

вырвалось у меня со всею силою чувствъ; и онъ, казалось, замѣтилъ.»

Тимковскаго оставили обѣдать и пригласили всегда являться къ обѣду. На другой же день Шуваловъ далъ ему письмо къ кн. Куракину, который немедленно опредѣлилъ его къ себѣ въ секретари. «Вотъ мой питомецъ, сказалъ Шуваловъ Козодавлеву, препоручая ему съѣздить вмѣстѣ съ Тимковскимъ къ генералъ-прокурору — это мои дѣти; вамъ его поручаю.»—Черезъ нѣсколько времени молодой человѣкъ и старый вельможа сблизились: Шуваловъ открылъ ему свою библіотеку, подарилъ ему на память нѣсколько книгъ, эстамповъ, статуй и проч. (117). «Не нужно говорить — продолжаетъ Тимковскій — сколько я принесъ Шувалову моей чувствительности. Допустимъ здѣсь съ обѣихъ сторонъ чтó нибудь изъ того, чтó лежитъ глубже въ сердцѣ человѣческомъ. Я прожилъ въ домѣ его 7 или 8 дней; въ нихъ пятымъ былъ воскресный день. Изъ угловой гостиной ведетъ на лѣво боковой выходъ въ кабинетъ, оттуда жилыя его комнаты, окнами на дворъ, а прямо вдоль Садовой улицы длинная галлерея съ библіотекою. За нею своя домовая церковь. Общій ходъ въ церковь по особой лѣстницѣ со двора, откуда приходятъ сторонніе. Для нея свой сановитый дьячекъ поетъ и читаетъ малороссійскою рѣчью. Шуваловъ у правой стороны церкви большею частью сидѣлъ въ креслахъ съ подосланнымъ ковромъ. Я замѣтилъ уже съ первыхъ дней, что онъ у себя, съ кѣмъ бы чтó ни говорилъ, по временамъ, какъ будто остановясь на какой мысли, крестился у груди малымъ тройственнымъ крестомъ; тоже было и въ церкви очень часто. Говорили, что это давняя его привычка; другіе прибавляли, что онъ принялъ ее, вышедъ изъ вѣка вольдумства.»

Были однако случаи, когда этотъ добродушный старикъ выходилъ изъ себя и горячился. Такъ однажды нѣкто эмигрантъ Пикаръ сталъ подсмѣиваться въ присутствіи Шувалова надъ какимъ-то русскимъ княземъ, И. Б. Шуваловъ замѣтилъ ему неприличіе его шутокъ;

---

(117) Свифтову сказку о бочкѣ (le Conte du Tonneau) съ сатирическими картинами о трехъ западныхъ исповѣданіяхъ, 2 тома, in-12. въ Гагѣ 1741 г. съ гербомъ и вензелемъ Шувалова; эстампъ вандиковой картины: Время въ видѣ крылатаго Сатурна; и два вывезенные изъ Рима антика: Марсъ и Минерва. Все это Тимковскій хранилъ, какъ святыню.

Книги, картины и все имѣніе Шувалова достались по наслѣдству и завѣщанію двумъ дѣтямъ сестры его кн. Голицыной, князю Θедору Николаевичу и графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной.

въ другой разъ просто приказалъ ему не говорить больше о князѣ; но когда Пикаръ началъ оправдываться, Шуваловъ вспылилъ и грозно закричалъ: « Бродяга! смѣлъ ты передо мною поносить вельможу, въ обществѣ, которое пригрѣло тебя! Вонъ изъ моего дому, вонъ!» Тихо, съ извиненіями, отступалъ Пикаръ къ дверямъ, и долженъ былъ удалиться. «Jacobin! продолжалъ Шуваловъ, онъ можетъ похвалиться, что говорилъ это у меня!» Сестра, племянница и гости стали упрашивать Шувалова, чтобъ онъ не сердился. Пикаръ получилъ позволеніе возвратиться, при чемъ Шуваловъ, какъ замѣчаетъ свидѣтель этой сцены, «перекрестясь, далъ ему вразумительную гонку.»

« Но я всегда бывалъ болѣе доволенъ, говоритъ Тимковскій, когда находилъ Шувалова однимъ, или почти однимъ. Тогда онъ охотно раскрывалъ, кажется, самъ передъ собою картины своей жизни. Мнѣ оставалось придавать связи, и какъ бы подкладывать дрова...»—« Въ разговорѣ и разсказахъ онъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю, безъ всякихъ приголосковъ. Русскій языкъ его съ красивою обдѣлкою въ тонкостяхъ и тонахъ. Французскій онъ употреблялъ, гдѣ его вводили, и когда, по предмету, хотѣлъ что́ сильнѣе выразить. Лице его всегда было спокойно поднятое, обращеніе со всѣми упредительное, веселовидное, добродушное.»—«Случалось, что мы до обѣда, но чаще послѣ обѣда выходили въ большую гостиную, съ вывезеннымъ изъ Неаполя мраморнымъ каминомъ. На каминѣ стояли двѣ древнія статуйки бѣлаго мрамора, величиною до двухъ футовъ. Разъ я загляделся на нихъ.—«Эти статуйки дорого мнѣ стоятъ», сказалъ онъ. На ожидающій мой видъ онъ продолжалъ: «Послѣ моего возвращенія, въ первые годы, съѣздилъ я въ свою новую деревню. Тамъ передъ окнами дому, мало наискось, открывался прекрасный видъ за рѣкою. Пологостью къ ней спускается широкій лугъ, и на немъ косятъ. Все утро я любовался видомъ, и потомъ спросилъ у своего интенданта, какъ великъ этотъ лугъ?—Онъ большой, говоритъ, указывая въ окно, по тотъ лѣсъ и за тѣ кусты.— Сколько тутъ собирается сѣна? — Не могу доложить; онъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, такъ подходитъ къ намъ. — Чужое въ глазахъ такъ близко, подумалъ я; и лугъ остался на мысляхъ. Я выбралъ время, послалъ къ графу съ предложеніемъ, неуступитъ ли мнѣ, и какую назначитъ цѣну? — Скажите Ивану Ивановичу, отвѣчалъ графъ, что я имѣнія моего не продаю, ни

большаго, ни малаго; а если онъ дастъ мнѣ тѣ двѣ статуйки, что у него на каминѣ, то я съ нимъ помѣняюсь. — Я подумалъ: лугъ такъ хорошъ, и подъ глазами; но буду ль я когда въ деревнѣ, — а къ этимъ привыкъ, отдавши испорчу каминъ, и мысль свою оставилъ.»

Подобныя бесѣды, которымъ мы обязаны многими изложенными въ настоящемъ трудѣ свѣдѣніями, продолжались болѣе полугода. Молодой чиновникъ почти каждое воскресеніе приходилъ молиться въ домовую церковь Шувалова, и потомъ оставался у него обѣдать.

Тимковскій узналъ Шувалова на семидесятомъ году его жизни. Онъ былъ уже слабъ здоровьемъ, что и помѣшало ему съѣздить въ Москву на коронованіе Павла Петровича. Онъ привѣтствовалъ государя письмомъ, въ которомъ вспоминалъ объ его младенчествѣ, и получилъ въ отвѣтъ милостивый рескриптъ вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ, что ему пожалованы деревни съ тремя тысячами душъ (118). Не долго впрочемъ пользовался онъ умноженіемъ своего достатка. Осенью, возвратившись изъ Павловскаго, куда приглашала его на обѣдъ къ себѣ императрица Марія Ѳедоровна, онъ вдругъ ослабѣлъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался, 14 Ноября 1797 года (119). Его похоронили съ великими почестями, въ Невской лаврѣ, въ малой Благовѣщенской церкви. По приказанію государя камеръ-пажи дежурили у тѣла, и весь дворъ принималъ участіе въ погребальномъ шествіи. «При всемъ неистовствѣ сѣверной осени, петербургской погоды, холода и грязи—замѣчаетъ Тимковскій—умилительно было видѣть на похоронахъ, кромѣ великаго церемоніала, съѣзда и многолюдства, стеченіе всего, что было тогда въ Петербургѣ изъ Московскаго Университета, всѣхъ временъ, чиновъ и возрастовъ, и все то были, какъ онъ почиталъ, его дѣти. Памятникъ Ломоносова видѣлъ провозимый гробъ мецената.» Отпѣвалъ тѣло петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а надгробное слово говорилъ славный въ то время проповѣдникъ бѣлорусскій епископъ Анастасій Братановскій (120).

---

(118) См. въ біографической запискѣ о Шуваловѣ кн. Голицына. стр 98, гдѣ напечатаны рескриптъ государя (отъ 9 апр. 1797 г.) и два письма Шувалова, поздравительное и благодарственное послѣ пожалованія деревень. Въ послѣднемъ читаемъ: «Сія милость перемѣнила недостаточное мое состояніе въ довольное на всю мою жизнь.» Въ рескриптѣ государь писалъ: «Съ благодарностью воспоминать буду попеченія ваши обо мнѣ во время моего младенчества.»

(119) Такъ обозначено на его надгробномъ камнѣ.

(120) Слово это отпечатано отдѣльною брошюрою. «Онъ счастливымъ себя почиталъ въ

На другой день его кончины государь, ѣдучи верхомъ по Невскому Проспекту, остановился противъ его дому, снялъ шляпу и, поглядѣвъ на окна, низко поклонился.

Мы изложили дошедшія до насъ извѣстія о Шуваловѣ, и конечно насъ можно было бы упрекнуть въ пристрастіи, если бы мы стали называть его человѣкомъ необыкновеннымъ. Напротивъ, онъ скорѣе принадлежалъ къ числу людей простыхъ. Онъ не имѣлъ ни особенно сильнаго характера, ни отличныхъ талантовъ, и большую часть жизни провелъ на покоѣ. Его литературныя занятія ничтожны: они ограничивались переводами и кое какими стихами (121). Но онъ пользовался высокимъ своимъ положеніемъ, богатыми средствами, которыя посылала ему судьба,—для блага другихъ; онъ собиралъ книги, окружалъ себя картинами и произведеніями изящ-

---

тотъ день—говоритъ проповѣдникъ—въ которой имѣлъ случай удалить несчастіе, и способствовать счастію другихъ... Свидѣтели достоинства его державы, приносившія ему почести, отъ коихъ онъ, дабы не затмили его усердіе къ отечеству, отрекся.... Въ обоихъ престольныхъ градахъ питомцы свободныхъ и художественныхъ наукъ соблюдутъ нестарѣющуюся память той его ревности, съ какою онъ тщался не меньше о украшеніи науками умовъ, какъ и поступковъ благороднымъ учтивствомъ.»

(121) Ему приписываютъ (Ж. М. Н. 1837, Августъ, стр. 403) переводы двухъ книгъ: *Энциклопедія или краткое начертаніе наукъ*, съ нѣм. М. 1781. и *Сокращеніе стихотворческой исторіи или введеніе въ миѳологію*, съ фр. 1784. Но мы имѣли случай видѣть обѣ книги; оказалось, что переводы эти принадлежатъ одному изъ воспитанниковъ москов. университетскаго пансіона, который назывался тоже Иваномъ Шуваловымъ.—Кромѣ того обыкновенно считаютъ его сочинителемъ слѣдующей надписи къ портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ;
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ, что Шуваловъ выдалъ эту надпись за сочиненіе Поповскаго, и что вообще свои мелкія стихотворенія, писанныя въ молодыхъ годахъ, онъ помѣщалъ въ журналахъ либо безъимянно, либо подъ чужими именами. Указать эти стихотворенія теперь уже нѣтъ возможности.—Кромѣ того, по словамъ Евгенія и Леклерка, онъ перевелъ *весьма удачно* изъ Шекспира монологъ Гамлета: этого перевода мы также не имѣли случая отыскать.

ныхъ искусствъ, не изъ утонченной роскоши, не для одного только собственнаго удовольствія; онъ постояно имѣлъ въ виду распространеніе знаній и добра между стоявшими ниже его по общественному положенію соотечественниками. Оттого имя его въ Россіи дорого всякому просвѣщенному человѣку. Заключимъ словами Державина:

« Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства наукъ. »

Петръ Бартеневъ.

Москва.
1855 г.


2007081651